

АНДРЕЙ
ПОСНЯКОВ

ВАТАТА

АТАМАН

Ватага

Андрей Посняков

Атаман

«ЭКСМО»

2013

Посняков А. А.

Атаман / А. А. Посняков — «Эксмо», 2013 — (Ватага)

ISBN 978-5-699-61044-0

Егор Вожников, молодой бизнесмен, торгующий лесом, а в свободное время с увлечением занимающийся исторической реконструкцией, отправляется в лесную глушь, чтобы попариться в баньке с «авторитетными» людьми, а заодно и испробовать снадобье, которое ему дала местная знахарка, бабка Левонтиха. Да вот только предупреждала его Левонтиха, что не следует обливаться ее зельем во время грозы. Но какая гроза в марте? Егор от души попарился в баньке, облился бабкиным снадобьем и нырнул в прорубь. И... в это самое мгновение раздался удар грома! Вынырнув на поверхность, Егор кинулся обратно в баньку, не сразу заметив, что в парной находятся незнакомые люди, говорящие на странном, вроде бы и не совсем русском языке...

ISBN 978-5-699-61044-0

© Посняков А. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Посняков

Атаман

Глава 1

Банька по-черному

Скрипнула береза. Упал с высоких елей подтаявший на выглянувшем солнышке снег – упал тяжело, словно брошенное спортсменом ядро. Вздогнув, затих на секунды долбивший ствол сосны дятел. Затих, посидел – и снова принялся за свое дело – тук-тук, тук-тук, тук. Сидевший на горушке, на небольшой проталине, заяц-русак вдруг насторожился, наострил уши, почуяв вдалеке что-то подозрительное, шумное. Не-ет, не волк пробирался, не лиса – те б так не шумели. Люди! Всадники на сытых хрипящих конях!

Едва заметив их, заяц – пуганый уже – сорвался со своего места, шмыгнув в густые заросли можжевельника, теперь ищи-свищи – не догонишь! Разве только лиса...

А всадники – много, человек сорок – уже выехали на полянку, растянулись по зимнику – дорожке узкой, прямой, – по замерзшим болотам, по озерам да рекам тянувшейся. Слежавшийся на дороге снег еще и не думал таять. Давая густую тень, со всех сторон толпились мохнатые ели, высокие сосны царапали вершинами небо, гулко бились на ветру голые ветки осин. Снег еще лежал сугробами, блестел, искрился на солнце, синел в распадах и буреломах. И все-таки уже по всему видно было – весна! По редким проталинам, по набухшим на вербах почкам, по тому, как пусть редко, но срывалась с деревьев капель, звонкая, радостная, весенняя, звенела, словно медные колокольчики-боталы – динь-динь, динь-динь.

И птицы уже пели веселей, грелись на солнышке – воробышки, снегири, синицы...

– Что-то сей год грачей не видать, – поправив съехавшую набок круглую, отороченную беличьим мехом шапку, обернулся ехавший впереди всадник – лет тридцати, плечистый, с красивым круглым лицом, обрамленным рыжей кудлатой бородкой.

– Да уж, не видать, – кивнул мосластый чернявый мужик с нехорошим взглядом, одетый в короткий темно-синий кафтан с вырезами и меховым подбоем. – Хоть и пора бы. И снегу еще полно – по всем приметам, весна нынче затяжная будет. То нам на руку! А, Афанасий, не так?

– Нам-то на руку, – усмехнулся в рыжие усы Афанасий. – Так и тем, кого мы ловим – тоже.

– Поймаем!

Поправив висевшую на боку саблю, чернявый засмеялся, противно этак, дребезжаще-визгливо, словно бы с силой поскреб железом по стеклу. От смеха его Афанасий скрипел и, сплюнув в снег, махнул рукой остальным:

– Ну, чего едва тянетесь? Давай погоняй лошадок – нам к погосту-то дотемна б успеть.

Остальные всадники выглядели куда моложе этих двух, да и одежку имели похуже – кто в полушубке нагольном, кто в армяке, у многих еще и заячьи треухи. Однако ж все оружны – не считая луков-стрел, еще и короткие рогатины-копья, тяжелые сабли, секиры да шлемы к седлам привешены, да в переметных сумах тяжелое что-то позвякивает – доспехи, видать. Ой, не на охоту молодцы собрались!

– Скорей, скорей. – Взмахнув плетью, подогнал Афанасий, похоже, он и был тут за главного. – Поспешай. По реке-то дорожка куда как хуже пойдет – подтаивает, солнце-то – эвон!

Словно в подтверждение его слов последний выехавший на поляну парень вдруг провалился – коню по грудь. Лошадь захрипела, задержалась...

– Да что ты сидишь-то, орясина! – возмущенно заорал чернявый. – Давай спешивайся да коню своему помогай.

Скинув с плеча саадак, парняга так и сделал – ухватил под уздцы лошадь, выбрался и, утерев выступивший на лбу пот широкой, как лопата, ладонью, посетовал:

– Ну и снега тут, прости, Господи! У нас-то на Москве, поди, уж и травка первая пошла, и цветочки.

– Ага... васильки заколосились, – чернявый глумливо прищурился. – Давай догоняй наших. Пушай прямо по реке скачут, а у старой сосны, у развилки, – ее видать будет – на отдых встанут.

– А вы, дядько Тимофей?

– А мы вас нагоним. Да! Костры там не разводите – поедим на сухую, да в путь.

– Понял, – поклонившись, парень взметнулся в седло. – Всем передам!

– Саадак-то с сугроба возьми, чудо!

Оплошавший всадник резко завернул коня, свесился в седле – едва не упасть, – подхватил из сугроба потерю. И чего было саадак к седлу не привесить? Наверное, места уже не хватало, много чего у парняги висело – и плоский татарский шелом, и шестопер увесистый, и кольчужка в мешке звенела... или – что там? Бахтерец, байдана?

– Инда брони не зря взяли? – проводив взглядом отъехавшего, Тимофей пригладил черную густую бороду. – Ты ж, Афанасий, сказал – все чисто будет.

– И чисто, – усмехнулся напарник в рыжие усы. – Коль беглецы, как мыслю, на Биричевых выселках. А ну, как на погосте у Паш-озера остались? Там люди не наши – новгородские. С боем погост брать придется, а потом – сжечь!

– Сжечь! – довольно кивнул Тимофей. – Моя бы воля – весь их Новгород бы сожг ко всем чертям!

– Погоди-и-и, дай срок! Отойдем от Едигея, Василий-князь и...

– Слушай-ка... – Чуть помолчав, Тимофей подозрительно огляделся по сторонам: – Я так мыслю – не зря мы тут остались?

– Не зря, – бросил старшой. – Хочу тебя на Сярг-озеро, на заимку, послать. Людишек дам с полдюжины и проводника – одноглазого Конди, он те места знает. Сейчас и поскачете – там, на развилке, простимся. Мы – к погосту, вы – к озеру. Сейчас один там на заимке – дед Федот, да беглецы. Сразу всех их и... того. А тела потом сюда привезешь, волокушу сладишь.

– Сярг-озеро? Это хоть где?

– Ох... – Афанасий вдруг оборвал беседу, задумался, словно что-то важное вспомнив, а потом, понизив голос, продолжил: – От погоста далече, день пути, а то и все два. Не дает оно мне покоя – вдруг да шпыни туда подались? Уйдут – что тогда боярину, да ладно боярину – князюшке нашему скажем?! Молчишь? Вот то-то и оно. Потому тебя с Конди туда и посылаю. Так, посмотреть – а вдруг? Там, с развилки-то, прямой путь навстречь солнцу.

– Навстречь солнцу? – изумленно переспросил Тимофей. – Они ж оттуда бежали, не так?!

– Так. Однако до погоста могли еще и не добраться. Ты глянь! Вдруг да там они? – Старшой пригладил кудлатую бороду, ухмыльнулся. – Я так мыслю, беглецы сейчас опаски за собой не чувт – земли-то Московские кончились! Смотри, Тимоша, Конди говорит – места там зело глухие, боры кругом, урочища. Если стрелами будете бить, так – наверняка, а лучше уж копьем или сабелькой – для надежности! Ну, там, на месте, сообразите.

– А с чего взяли, что шпыни те на Новгород решили податься? – Тимофей все же посомневался, хотя видел – старшому это не нравилось. – Могут ведь и на Хлынов.

Ну, нравится не нравится – чай, не бабы, не красные девицы собрались – дела решали серьезные. Удастся все, как надо, сладить – и серебра немалая толика, и почет немалый, и, самое главное, – земляца от князя московского. Пусть хоть не Белозерье – да своя. Две б – три деревеньки с холопами...

– Могут и на Хлынов, но не дошли еще никуда – не успели. А ты што, Тимоха, разулыбался-то? Жену свою вспомнил?

– Нет у меня жены, Афанасий. В прошлолетось от лихоманки сгорела.

– От лихоманки-и-и? – недоверчиво прищурил левый глаз, протянул старшой. – А люди говорят, ты ее... Ладно! Чужие дела ворошить – грех. Все у тебя? Узнал, что надо? Инда – спроси еще.

– Спрошу. – Тимофей поиграл желваками, видать, не очень-то ему понравилось упоминание о безвременно погибшей супруге. – А ежели так станется, что шпыни – на погосте или на высылках Биричевских. Вы их возьмете, а язм...

– И ты при деле останешься, в том и не сомневайся, – упрямо набычившись, заверил старшой. – Опасения твои понимаю. Смотри только, не упusti беглецов.

– Не упущу... А что, места-то они ведают?

– Откуда? – Афанасий, не выдержав, хохотнул.

– Значит, смекаю – проводник у них есть, не наобум же бредут по таким лесищам?

– Верно мыслишь, – старшой резко оборвал смех. – Шпыни-то могли и кого-нибудь с собой прихватить – пути-дорожки показывать. Серебришком прельстить или так, силой.

– Значит, выходит, четверо их.

– Пусть так... А тебе, вижу, полдюжины воев мало?

– Да что, что ты! Окстись, – обиженно скривившись, Тимофей замахал руками. – Нешто с беглыми не управимся? А Федота-старика, верно, и считать нечего.

Покачав головой, Афанасий махнул рукой:

– Ладно, поехали. Вона река – видишь? А дальше, на бережку – сосна кривая, там и развилка. Да приметна – увидим. Ой...

Какой-то резкий и мощный звук вдруг раздался на всю округу, словно кто-то перекатывал по небу огромные камни или вдруг ударили разом с десятков тюфяков-пушек!

– Что это, гром, что ли?

– А и гром! Гроза. – Приподнявшись в седле, Тимофей, указывая, вытянул руку. – Вона, глянь, за тем леском – туча.

– Господи... верно – туча. Зеленая какая-то. Зимой и гроза – нечасто такое бывает. Обычно говорят – не к добру.

Из зеленоватой, кочками нависшей над дальним лесом тучи плеснула синяя молния, снова ударил гром.

– Ой, не к добру, – осеняя себя крестным знаменiem, повторил старшой.

Тимофей кивнул и тоже перекрестился:

– Ну, поскачем к развилке, что ль?

– И где же твоя развилка? – притормозив, Егор посмотрел на своего пассажира – молодого, лет двадцати с лишком, парня, широкоплечего, с круглым и каким-то по-детски наивным лицом. – Проехали, что ли?

– Ась? – парень недоуменно повернулся, и Егор уменьшил звук магнитолы.

– Поворот, спрашиваю, где? Ты, Леха, спишь, что ли?

Парень смущенно потянулся.

– Да прикемарил малость. Вчера, это самое, зависли с деваками.

– С Валькой, что ль, продавщицей?

– С ней... Слушай, а у нее подруга такая коза – ваще, это самое... А вот! – Леха вдруг вытянул шею и показал рукой. – Вон развилка-то! Вот она, поворотка!

– Проедем?

– На твоём «уазике» – да. А на джипе я б и не пытался. Хорошо, хоть не на нем поехали, а то б там сели – кто б вытаскивал?

- Ничего, до лета уж как-нибудь бы прозимовали.
- До лета? Не, мне до лета нельзя.
- Так весна уже – март! Недолго осталось.

Выворачивая руль, Егор искоса посмотрел на своего напарника, явно не относящегося к людям с изысканным чувством юмора, да и не с изысканным-то у Лехи было туговато. Что и говорить – не семи пядей во лбу парень. Зато человек верный, даже родственник, хоть и дальний.

– Не, та коза... ващще, это самое, такая оторва! Слышь, Гоша, мы, это самое, два бутыля ожрали, Валька-продащица – в умат, а эта коза – хоть бы хны, и уж мы с Корягой ее и так, и этак... Ухх!! А потом, это самое, еще за водярой поехали, на Корягиной «десятке», а у нее бампер оторванный и... Короче, это самое, взяли водяры, Вальку разбудили и козу эту... и опять их перли, перли... Потом опять за водярой поехали, а коза эта попросила пива, короче, едем мы такие, а Коряга – в умат...

Стиснув зубы, Егор прибавил звук – еще летом самолично поставил в «уазик» хорошую акустику – дерьмо не любил слушать, а из музыки предпочитал что-нибудь типа «Арии», «Наив» или там «Король и Шут». И сейчас вот его врубил:

Два вора, лихо скрывшись от погони,
Делить украденное золото решили...

Напарник скривился, словно от зубной боли:

– Слышь, Гоша, а ты, это самое, такую ботву слушаешь... Лучше б шансон поставил – Жеку или, это самое, еще кого-нибудь.

- Ты еще скажи – Стаса Михайлова!
  - О! Или Михайлова. Тоже ничего, а?
- Егор уже едва сдерживал раздражение:

– Михайлова у себя дома будешь слушать, с продавщицей Валькой и этой своей... козой. Как ее, кстати, звать-то?

– А я знаю? – обиженно отозвался Леха. – Это самое, она, может, и говорила, да не вспомнить теперь. Короче, оно мне надо?

– Тоже верно, – аккуратно объезжая яму, усмехнулся Егор. – Кстати, шансон у меня где-то есть... ну-ка посмотри в бардачке... во-он ту компашку ставь...

Снова заиграла музыка. На этот раз куда более изысканная, под которую хорошо думалось – иногда Егор слушал и такое, накатывало...

А вот Лехе снова не понравилось:

- Слышь, Гоша – а это что такое?
- Шансон, ты ж просил.
- Дак там это самое – не по-русски вроде...
- Так Шарль Азнавур. погоди, там дальше еще другие будут...
- Ага...

– Жак Брель, Ив Монтан, Брассенс. Тебе понравится, Леха!

– Ох, – напарник опять скривился. – А по-русски там есть?

Егор махнул рукой:

– Так поищи в бардачке-то.

Леха так и сделал, и, порывшись, изумленно вытащил какую-то замусоленную, с загнутыми листами книжку – «Бухгалтерский учет и аудит».

– Гоша... а че это? Ты в счетоводы податься решил, что ли?

– И решил! – зло бросил Егор. – Книгу на место положи. Живо!

Леха явно испугался, поспешно засунул книжку обратно:

– Да я че? Я ничо. Посмотрел только...

– Леха, сколько у меня пилорам? – помолчав, уже более покладисто произнес водитель.

– Ну, две... если ту, что за Явосьмой, тоже считать.

– А чего ж не считать-то? Две пилорамы, делянки, лесовозы, торги... А бухгалтер – если не сволочь, так обязательно – пьяница. Какого уже увольняю? Третьего! И это – за полгода. Придется уж самому аудит осваивать, не тебя ж на бухгалтера учиться послать, а, Леха?

– Не-а, не меня... это верно. – Посмеявшись, парень покосился на Егора и несмело взял с заднего сиденья банку пива. – Я еще попью, а? Башка, это самое, со вчерашнего раскалывается.

– Да пей, черт с тобой. Мне банку достань тоже.

– Ага.

– Только смотри, не усни – кто мне дорогу показывать будет? – Егор взглянул в усыпанный слежавшимся снегом путь. – Впрочем, похоже, «тут в город только одна дорога».

– А мы разве в город едем?

– Короче, если хочешь спать – спи, понадобится – разбужу, понял?

– Угу... Это самое, я только покемарю малехо. Ты буди, если что.

– Еще бы.

Егор покосился в зеркало, хотел было причесать растрепанные с утра волосы, да раздумал – перед кем прихорашиваться-то? В бане девок не намечалось – не за тем ехали, не за девками. И не мыться, то есть – не только мыться. Главное было – встретиться с нужными и «авторитетными» людьми, без слова которых ничего в районе не делалось. Это Егор так просто болтнул про две пилорамы... ну да, после смерти дядюшки вроде бы под него отходили... если так авторитетные люди решат. А могут ведь и по-другому рассудить – всяко бывало. Тогда что ж, – и одной пилорамы покуда хватит, а дальше – дальше имелись у Егора мысли, сдаваться он вовсе не собирался, да и как мог сдать бывший боксер? Кандидат в мастера спорта, пусть среди юношей, пусть – в прошлом, но все-таки. Несмотря на достаточно молодой возраст – неполные двадцать пять лет, – у Егора Вожникова (друзья его называли Гошей) уже многое осталось в прошлом, пусть и не таком дальнем. Служба в армии – еще полтора года захватил, в РВСН под Козельском, опять же – бокс, даже один курс в гуманитарном университете, – дальше пришлось бросить, тянуть было некому, скончался отец, мать же умерла еще раньше, когда он был маленьким. Отучился год на факультете социальных наук, ну и черт с ним – теперь «бухгалтерский учет и аудит» куда как важнее! Тут Егор со многими своими друзьями был согласен – гуманитарное образование – это и не образование вовсе, а так, смех один. Ну, изучал он на первом курсе Древнюю Русь да Египет – и что с того? А вот бухучет – совсем другое дело, наука прикладная и в жизни очень даже полезная! Осилить бы... Ничего! Егор улыбнулся сам себе – мы парни упорные, деревенские, не какие-нибудь там городские маменькины сынки, нытики-горлопаны! Осилим, прорвемся – не джебом, так апперкотом или хуком. Не прямо – так снизу или сбоку – укротим злодейку-судьбу, к себе понадежней привяжем! Да и все вроде не худо пока складывалось – пилорамы опять же... А ведь с водителями у дядюшки начинал! Потом – в «бригадиры», потом... Много чего было, в том числе и такого, чего и вспоминать не очень-то хочется, а впрочем – что было, то было, жизнь есть жизнь. И с бизнесом, и с друзьями неплохо складывалось: еще в университете учась, снюхался Егор с «реконами», с теми людьми, что реконструкцией прошлого занимаются, мечи-брони куют, лады-драккары строят, слеты проводят и иной жизни для себя и не мыслят. Вожников, конечно, столь далеко в прошлое не погружался (оттуда потом некоторых особо увлеченных товарищей только с помощью квалифицированного психиатра выводят, и то далеко не всегда), однако чем-то его все же зацепило – и больше даже сейчас. Может быть, оттого, что был слишком умным? Образование испортило – даже один курс. У всех «нормальных» людей как – «точка», «хата», шмотки, пьянки-девки, ну еще какая-нибудь Турция – «все включено» или, не к ночи будь помянут, Таиланд – задницу на песке заграничном погреть, как будто у нас озер мало. Да тут вот летом... такая красотища,

отдыхай – не хочу. Так ведь на песке-то лежать – скучно. Ежели заграница – так Егору надобно самому, без всяких турфирм и экскурсоводов гнусавых. А зачем вменяемому взрослому человеку туроператор – лишний паразит-посредник? Интернет, слава Богу, теперь в любой глуши есть, заказал билеты и – какой выбрал – отель, что там посмотреть – прикинул, и – с компанией подходящей, реконской, в аэропорт – флаг в руки! А зад – «все включено» – в автобусе или на песке греть – не, это не для Егора. Да реконы то на драккаре по Ладоге позовут, то в лесной лагерь – в средневековых доспехах биться. Вот тут-то уж Егор собаку съел – знал и как кольчуги вязать, и как саблю наточить, чтоб «холодным» оружием не признали, меч даже себе лично из автомобильной рессоры выковал, а вот со шлемом не сладил – пришлось заказать по почте, купить, хоть и не респект это среди реконов – отнюдь! Но многие покупали – не все же мастера-умельцы, а в чем попало на слет не явишься, это ж не какой-нибудь там Толкиен, где и копье из швабры прокатит. У реконструкторов все серьезно, все по-настоящему... почти. Ну чтоб не убили никого случайно. А вообще, бывали и травмы, и всякие прочие недоразумения; вот, хоть прошлым летом вырвался Егор на недельку – русского ратника пятнадцатого века изображал, все, как полагается – со щитом, в шлеме, в доспехе пластинчато-кольчатом – бахтерце, в бывшей совхозной кузнице лично выделанном... Вырвался, а как пошла с крестоносцами сеча, меч поломал – ударил неудачно... ну и зарядил сопернику прямым в челюсть! Как бывший кандидат в мастера по боксу – радовался, милое дело – вражина ногами кверху в ров улетел... Только не засчитали победу! Сказали – не было в те времена современного бокса, а у тебя, мол, удар поставленный – сразу видать. Ишь ты, видать им...

– Гоша, – проснувшийся (а может, он и не спал, так слегка подремывал) напарник снова потянулся к пиву. – Тебе достать?

– Давай.

Леха забулькал пивом, довольно рыгнул и чуть погодя спросил:

– Гоша, а что ты не стрижешься и бородой, вон, зарос? Снова на свою древнюю войнушку собрался?

– Ну, собрался, – Вожников отозвался недовольно, знал – многие знакомые над ним за «реконство» посмеиваются, у виска пальцем крутят.

И пусть!

Когда – в детстве еще – в школьную секцию бокса записывался, некоторые тоже смеялись... до поры до времени только.

– Гош, это самое... а помнишь, ты и меня обещал с собой взять? В прошлом году еще.

– Обещал – возьму, – включив пониженную передачу, покладисто сказал Егор. – Только ты меч себе сделай и какой-никакой прикид. Да – и шлем, без шлема в битву не пустят. Впрочем, шлем я тебе подарю – завалилась у меня где-то мисюрка.

– Что завалилось?

– Шлем такой, в виде купола, с бармицей.

– С чем-чем?

– Кольчужная такая сетка.

– А-а-а... А, это самое, прикид-то можно по Интернету заказать?

– Да можно, конечно. – Егор хохотнул. – Смотри только сначала со мной посоветуйся. А то, помнится, как-то раз случай был – явился такой вот ухарь, вроде тебя, весь такой крутой, в рубахе шелковой. Ратника Дмитрия Донского изображал, простого воина – это в шелковой-то рубахе!

– А что?

– Да ты знаешь, сколько тогда шелк стоил?! Ленту тоненькую к подолу пришить, чтоб завидовали – и то дело. А тут – вся рубаха из шелка... у простого-то воина.

– Ну, я, это самое, тебя спрашивать буду.

Выдув очередную банку, Леха выкинул ее в окно, в подтаявший мартовский сугроб, и довольно потянулся, глядя на плывшее за деревьями солнце: – А все же весна уже, да! Припекает.

– Еще и метели будут, и снег.

– Это само собой... Слышь, братан, а девки на слетах ваших есть?

– Девки? – Вожников прищурился. – Да сколько угодно.

– А они того... это самое...

– А как же! Если понравилась.

Напарник снова замолчал, пошмыгал носом, а потом спросил:

– Гош, а как ты думаешь, я им точно понравлюсь?

Егор скосил глаза, едва сдерживая усмешку:

– Точно-точно! Парень ты молодой, весь из себя видный.

– Правда? Не, короче, это самое, без подколов?

– Истинно так!

– Гош... – Как видно, выпитое пиво подвигло напарника на болтовню. – А правда, говорят, ты к бабке Левонтихе ездил?

Егор при таких словах чуть руль из рук не выпустил. Ну надо же! И про бабуку уже знают – ну, деревня, в одном конце чихнут, в другом прокомментируют.

– Ездил. Меч заговаривал.

– А-а-а... А Валька-продавщица говорила – будто, это самое, венец безбрачия снимать, она к Левонтихе за тем же зааживала... Ха! Не помогло.

– Передай Вальке – голову откручу, – нехорошо усмехнулся Вожников. – Чтоб всякие поганые слухи не распускала. И ты смотри у меня...

– Да я ж это... Гоша, это самое... короче – молчу.

– Пей, вон, пиво лучше.

Догадались, блин, – венец безбрачия. Егор хмыкнул. Ему, между прочим, еще и двадцати пяти нет. И куда жениться? А самое главное – на ком? Вот как-то так получилось, что не на ком, хотя вообще-то девки на Вожникова кидались еще с ранней юности, особенно – после боксерских поединков на приз района. Егор был парень видный – на лицо этакий весьма приятный прихотливому женскому взгляду: волосы выющиеся, густые, светло-русые, еще и усики, и бородка модная, и серо-стальные глаза, к тому ж весь из себя – мускулистый, подтянутый, прыгучий – в боксе тогда в среднем весе выступал, это вот после армии потихоньку заматерел, потяжелел изрядно. Девки были, да и немало... но – одно дело секс, и совсем другое – жениться. Вожников как слышал от какой-нибудь про «концерт такой здоровский вчера в телевизоре был – Ваенга и – ах – Стас Михайлов», так строить какие-то серьезные отношения с подобной девицей ему уже категорически не хотелось. И здесь не в одних музыкальных пристрастиях дело – Егор, к слову, не такой уж и завзятый меломан был, просто слушал, что нравилось, что к душе ближе лежало. Но вот девицы... Нет, попадались среди них и умные, и даже шибко продвинутые, и даже – страшно сказать – такие, с которыми, может, и сладилось бы, но... Кто ж в эту глушь поедет? Декабристок нет. Хотя и в материальном смысле все у Вожникова нормально было, он даже дом начал строить, уже и кирпич завез, и проект с архитектором разработал лично. Однако – все дела: пилорамы, лесовозы, делянки – здесь, в глуши, за лесами да за болотами, хоть и до райцентра недалеко – всего-то километров сто... ну, сто тридцать. Разве по российским-то меркам расстояние?

А честно сказать, просто побаивались его девки. И боксер, и лицом приятен, да еще и умен и... ну, небогат, но без проблем денежных, уж, казалось бы – завидный жених не только по местным меркам. Но вот просто всего в нем много – и то, и другое, и третье... даже и реконская тусовка, как здешние говорили – блажь.

Молодой человек скривился и неожиданно для себя вздохнул. Да встретится еще подходящая, ладно... а то удумали – венец безбрачия, и вовсе не затем Егор к бабке Левонтихе, местной колдунье, ездил – совсем за другим делом. Встретились как-то случайно в городе, на джазовом фестивале – Вожников туда заглянул музыку «живую» послушать, – увидел знакомое лицо, туда-сюда, разговорились. Он даже потом колдунью почти до самого дома подвез. И та – в машине еще, не в «уазике», в «Опеле», джипе – вдруг такое сказанула... Мол, есть в тебе, Георгий – так Левонтиха Егора называла – одна способность, в роду твоём некогда от отца к сыну передававшаяся, да вот давненько уже утраченная. Способность предчувствовать некие нехорошие события в ближайшей округе дней примерно за восемь-десять, а то и больше даже.

– Ну, вот ты сам-то, Георгий, не помнишь? Может, и с тобой иногда что-то подобное уже случалось?

Случалось, а как же! Вот тот предпоследний бой – закончившийся обидным нокаутом. Пусть техническим, ну и что же...

Действительно, тогда и ехать не хотелось, и на ринг ноги не несли... что-то такое было. И – перед тем, как отец умер.

– Ну. Вот видишь! Ежели захочешь, эту способность можно в тебе возродить. Сайт у меня есть – расценки посмотришь, свяжешься...

А что, неплохое дело! Всякую пакость предвидеть – и не допустить, как-то воздействовать! Вот сейчас бы точно знал – стоит ли в баньку ехать? Может, авторитетные люди что худое замыслили? Моргнув своим – те враз и пристрелят, а труп в прорубь кинут... трупы – Леха ж еще. А вдруг и Леха с ними – а вот так бы знал! И бухгалтеры... коли б предвидел – ни одного б гада на работу не взял, не надо было б и бухучет штудировать – не особенно-то захватывающую науку.

Вот и съездил к бабке, как раз позавчера и съездил – гляди-ко, уже и сплетни пошли. Это, верно, Машка-почтальонша... или та же Валька. А Вальке откуда знать?

– Леха, вчера с вами что за коза-то была?

– Да ничегошная такая, титьки – во! – Обрадовавшись возобновлению доброй беседы, напарник поводил ладонями, обозначив в воздухе нечто размером как минимум с баскетбольный мяч.

Вожников даже хихикнул:

– Ну, брат, заядлого рыбака сразу видно!

– Да я, это самое, отвечаю! Гад буду! Во-от такие титьки. Не веришь? Так я тебе ее как-нибудь подгоню, козу эту.

– Леха, я не про титьки. Откуда коза, спрашиваю? Наша?

– Не, городская. Из Питера, что ли... да я особо-то не расспрашивал... короче, это самое, водку в пасть, да в койку.

– Из Питера, говоришь?

– Дак к Вальке и приехала. Подруга.

– Вот теперь понятно, оттуда у слухов ноги растут.

– Да, у козы этой такие ноги-и-и... Ух! Короче, как у этих... ну, в цирке еще скажут...

– Акробаты?

– Точняк! Как у них – это самое, от ушей прямо.

– Ладно, сведешь как-нибудь.

– Да не вопрос, брателло!

– Просто посмотреть хочется на такое чудо.

Егор снова задумался, вспоминая свой позавчерашний визит к бабке. Да, собственно, и нечего было особенно вспоминать – ну, заехал, зашел, да, заплатив по таксе шесть тысяч рублей, получил от колдуньи заговоренную при нем же воду – снадобье – в пластиковой буты-

лочке от «Аква Виты» без газа. Левонтиха, как уходил, еще и проинструктировала: мол, надо в полнолуние этой водой облиться да сигануть в прорубь.

– Что, ночью, что ли?

– Да не обязательно, можно и днем. Нынче как раз полнолуние. Главное, чтоб грозы не было.

Грозы... не, ну надо же, сказанула бабка! Это в марте-то? Чушь какую-то смолола – а еще колдунья.

Егор вчера еще хотел окунуться, затеял с утра баню топить, чтоб не сразу в прорубь – а после баньки, все ж поприятнее. Да и водица заговоренная что-то как-то дурно пахла – Вожников пробочку открывал, принюхивался. Ацетон, что ли... Или этот, уайт-спирит, растворитель... В общем, гадость какая-то, такую удобней в баньке с себя смыть, ежели в проруби не отмоется.

Хотел, да... собирался. Но не срослось вчера, не сложилось. Тут же, с утра, начались звонки, поездки – то трелевочник на делянке заглох, с запчастями решить надо было, то лесовоз какие-то заезжие гаишники остановили, пришлось ехать, вопросы улаживать. Уладил. А вечером – позвонили, в баньку вот пригласили. В дальнюю баньку, попариться с авторитетными людьми.

А заодно – и бабкино зелье испробовать, почему б и нет? Самое для того место и время. Бутылку «заряженную» Егор с собой прихватил... кстати, а где она? На заднее сиденье кидал... вроде...

Егор обернулся и в ужасе округлил глаза:

– Эй, Леха! Ты что это пить собрался, родимый?

А Леха уже крышку на бутылочке бабкиной открутил да хлебнуть собрался... только вот принюхался, губы скривил:

– Это чего это у тебя, Гоша, тут? Спирт, что ли, паленый?

– Ацетон. Дай-ка сюда бутылку... На другое место переложу, чтоб ты случайно не выпил.

Свернув на лесную дорожку, Вожников сбавил скорость, но, тем не менее, примерно минут через двадцать «уазик» уже подкатывал к небольшой, огороженной новым забором усадьбе, у распахнутых ворот которой стояли два снегохода и черный «Хантер».

– Ты туда, в ворота, и заезжай, это самое, – показал рукой Леха. – Сейчас Иваныч выбежит, сторож.

И в самом деле, из просторной бревенчатой избы с высоким, под затейливым навесом, крыльцом, навстречу машине выскочил седобородый старик в телогрейке и валенках. В руках старик держал ружье да и вообще вид имел строгий... Правда, увидев Леху, тут же опустил ствол и широко улыбнулся:

– А, Лешенька! И Егор Ильич, вижу, с тобой. А мы вас еще раньше высматривали – а все нет да нет. Вы проходите сразу в баньку – там ждут.

– Хорошо, – выходя из «уазика», бросил Егор. – Леха, пиво не забудь прихватить. И водку.

– Да не надо ничего, парни, – осклабился старик Иваныч. – Там есть уже все.

– Ну, тогда только свою водичку возьму. – Вожников полез обратно в машину. – А где у вас тут баня-то?

– А вон, мил человек, у реки. Как раз на бережку и будет. Там и прорубь есть – после парилки-то самое оно то.

Егор поспешно спрятал усмешку – вот уж действительно прорубь сейчас весьма кстати.

– Гоша, ты че там застрял? – оглянулся уже прилично отошедший по нахоженной в снегу тропке Леха.

Вожников махнул рукой:

- Да иду, иду уже. Полотенца-то взял?
- Обижаешь!
- Да говорю, есть там все, – подал голос Иваныч. – Хорошая у нас банька, по-черному.

Банька располагалась на крутом бережку, метрах в пяти от затянутой льдом и искрящимся на мартовском солнце снегом реки, тут же дымилась и прорубь, к которой вела синяя нахоженная тропинка – видать, в баньке-то частенько парились и в прорубь понырять любили.

– Ну вот и славненько.

Потерев руки, Вожников обернулся, глянул назад – усадьба была надежно скрыта деревьями, такое впечатление, что здесь вообще одна только та баня – и все.

– А-а-а! Вот и гости. А мы заждались уже. – Скрипнув дверью, выглянул из бани распаренный голый мужик лет пятидесяти в войлочной – для парилки – шапке с серпом и молотом. Крепкий, жилистый, но уже с заметным брюшком, он производил бы впечатление добродушного дедушки из отставных военных, если б не усыпанные наколками руки и плечи.

– Здравствуйте, Вадим Георгиевич, – наклонив голову, вежливо сказал Егор. – Извините за опоздание – дороги тут не московские.

– Да уж, не московские. – Встречающий махнул рукой. – Ну, заходите – чего на улице стоять. Сперва попаримся, а потом, за столом – и за дело. Рад тебя видеть, Егор... Это кто?

– Это со мной. Леха.

– С тобой так с тобой, ладно.

Глубоко посаженные, под кустистыми бровями, глаза Вадима Георгиевича сузились так, что непонятно было, действительно ли он рад гостям или задумал что-то нехорошее. Мазнул, мазнул взглядом по кусточкам... Вожников, в баню заходя, обернулся, тоже туда посмотрел – увидел, как кусточки дернулись. Кто там сидел, интересно? Снайпер? Взвод автоматчиков? Молодой человек улыбнулся – вот ведь лезет в голову всякая хрень! Ну при чем тут автоматчики-то?

Быстро раздевшись в просторном – не без изыска, но и без излишеств – предбаннике, гости вслед за Вадимом Георгиевичем подались в дышащую травяным жаром парилку, где на полкёпоследняя орудовал веником другой «авторитетный» человек, лет на десять старше первого, – тощий, низенький, с лысой, обрамленной венчиком седых волос, головой.

– Эк вы тут, Федор Кузьмич, наподавали!

– Ни-чо! – бодренько откликнулся «авторитет». – А ну, молодежь, давайте на полоч. Что головы пригнули? Жарко?

– Да в самый раз, – ответил Егор.

Зашипела, испаряясь жаром, брошенная на камни вода. Мельницами замахали веники, распространяя вокруг духовитый березовый запах, унесся, осел на бархатно-черных от копоти стенах пар.

– Еще и дубовые веники есть, – похвастался Федор Кузьмич. – И эвкалиптовые. А ну-ка, Егор, поддай-ка парку!

Егор и рад стараться – наподавал так, что все из парной выскочили, он один и остался, с остервенением охаживая себя веником по плечам... Потом выскочил и по снегу – в прорубь! Ах, вот это дело!

Долго, правда, не купался – скоренько забежал обратно.

Вадим Георгиевич, в парную заходя, обернулся:

– Ну что? Еще заход, а?

– Не, я тут посижу, отдышусь немного, – помотал головой Егор.

– Отдышись, отдышись. Пиво, вон, пей или квас.

– Спасибо.

Молодой человек дождался, когда все скрылись в парной и, взяв прихваченную с собой бутылку, вылил на себя заряженную воду. Мельком глянув в висевшее на стене зеркало, машинально почесал родинку на левом плече – небольшую, в виде трилистника – и, перекрестившись, снова побежал к проруби. Так, с разбега, и бросился, не обращая внимания на зависшую над головой зеленовато-свинцовую тучу. И откуда она взялась-то? Вроде только что ясно было... и вдруг – на тебе, гром! Случается, конечно, гроза и в марте, но очень и очень редко.

Померкло, закатываясь за тучу, солнце. В темном грозовом небе сверкнула молния. Снова ударил гром.

Глава 2

Снег и тьма

Что-то повисло перед глазами, какое-то зеленое мерцающе-плывущее марево. Провалившийся в черноту Егор пришел в себя, почувствовав, что не может вдохнуть... Ну, конечно – вокруг была вода, а где-то наверху искрилась ласковым светом прорубь.

Молодой человек заработал руками, вынырнул, выбрался на снег и тут только почувствовал холод. Сколько он находился в воде? Секунд пять, десять, больше? И что это было – спазм? Или... или кто-то дал палкой по голове – такое ощущение!

Все эти мысли вихрем пронесли в голове у Вожникова, когда он со всех ног бежал обратно в баньку. Забежав в предбанник, рванул дверь парной, окунаясь в быстро охвативший все тело жар. Кто-то из парильщиков швырнул на каменку ковшик водицы... вокруг поплыл липово-медовый запах, приятная истома охватила Егора – отогрелся! – даже потянуло в сон.

На полке двое мужиков наяривали вениками, внизу, на лавке, сутился с шайками какой-то старик... нет, не тот, не «авторитетный»... сторож, наверное.

– Иваныч, ты, что ли? А Леха где?

Старик оглянулся, выронив шайку. Двое, на полке, опустили веники. Егор удивленно моргнул – совершенно незнакомые люди! Старик, еще один жилистый тип с белесым шрамом через всю грудь, да еще двое мужиков, чем-то похожих друг на друга. Братья, что ли? Оба светловолосые, с бородами, только у одного – старшего – борода гуще. На шее у каждого – золотой крест. Да-а, и эти, судя по крестам, парни серьезные. Что же получается, он, Егор, в другую баньку забежал? А что... мог и ошибиться, вполне.

– Мужики, извините, я, кажется, не туда попал.

Молодой человек повернулся к двери, как вдруг жилистый ухватил его за руку и, негромко смеясь, похлопал по плечу:

– Э-э, паря! А мы тебя к завтраму ждали.

– Ага, – остальные парильщики переглянулись. – Это тот, значит, и есть?

– Он, он... вон и примета. – Старик ткнул пальцем в родинку на левом плече Егора.

– Ужо видим, – старший бородач усмехнулся и обмакнул веник в кадушку с горячей водицей.

– Егор, – сказал молодой человек. – Егор Вожников...

– Тсс!!!! – зашипели вдруг мужики. – Догадываемся, откель ты... Одначе много-то не болтай! Егор так Егор – Георгий.

– Я тут случайно, извините, что помешал. Нырнул, вот, в прорубь и...

– Ла-адно, – слезая с полка, протянул бородач. – Сейчас домоемся, отдохнем, а завтра с утра и выйдем. Ты, Егорша, дорогу-то добре ведаешь?

– Леха, приятель мой, указывал, я только рулил. Но не заблужусь – точно! Послушайте, мне пора, наверное, извините, что...

– Сядь, посиди, паря! На вот, выпей, охолонь.

Егор вслед за всеми вышел в предбанник, тускло освещенный солнечными лучами, пробивавшимися сквозь небольшое, затянутое куском грязного полиэтилена оконце, и, усевшись на лавку, хлебнул из предложенного младшим бородачом плетеного жбана. Хм... что за напиток-то? Не пиво, нет. Похоже – брага... нет, квас, только очень забористый.

– Хороший у вас квасок.

– Добрый.

– Спасибо, я все же, пожалуй, пойду. Извините, если что не...

Вожников вдруг замолк, с удивлением глядя, как парильщики сноровисто натягивают на себя одежду – порты, длинные рубахи с вышивкой, кафтаны. Неужто в деревнях до сих пор так еще одеваются? А что там у них в ножнах? Кинжалы? Ножи? Одна-а-ако...

– Ты чего голяком-то сидишь? Одежку, что ль, на заимке оставил?

– Вожеозерские робята хваткие, мороза не боятся!

Переглянувшись, братья – да, похоже, что так, братья – гулко захохотали.

Говорили они как-то странно, использовали много старинных слов, какие-то диалекты; Егор далеко не все понимал, так, с середины на половинку, точнее, частью – понимал, частью – догадывался.

– А говор-то у тебя, паря, смешной!

Смешной? Егор улыбнулся – кто бы говорил-то!

– У вас в Заозерье все так говорят или токмо князя да бояре?

Князя?! Бояре?! Эвон, куда беседа зашла. Оп-па! А что это старик-то так суетится, едва ль не кланяется – одежду парильщикам подает, сапоги...

Сапоги! У одного – зеленые, юфтовые, у другого – коричневые. Отличные сапоги... от тех, что в магазине продаются. Мягкая кожа, узор... К тому же – кафтаны эти, а вон у деда – армяк! Именно так эта одежда и называется. Кинжалы, опять же, ножны, пояса, тщательно выделанные.

Молодой человек ощутил легкое волнение – а не свой ли это брат-реконструктор? Если так, интересно было бы пообщаться... только дела свои сначала закончить.

– А вы к кому прие... – начал было Егор, да вот только не успел закончить. Резко повернувшись, старший бородач вдруг зажал ему рот рукою и прошипел:

– Тсс!!! Слышите?

Вожников, честно говоря, ничего такого не слышал, а вот парильщики сразу насторожились.

– Ходит кто-то за баней, эвон – снег скрипит, – шепотом произнес тот бородач, что помладше.

– Верно, Данило, – так же тихо отозвался старший. – Окружают.

Обернувшись, Данило ожег взглядом Егора:

– Не он ли, Иване, людишек с собой привел?

– Угу... И сам голяком – с нами париться? Зачем? Мыслью – они неслышно за ним шли.

– И то верно... Одначе что делать будем?

– А что делать? – Иван неслышно вытащил из ножен кинжал. – Пробиваться будем – не тут же сидеть? Ты, – он строго посмотрел на Вожникова, – первым выскочишь... вроде как в прорубь. Отвлечешь их, а мы уж – навалимся. Антип, – он посмотрел на жилистого. – Ты потом в лес, а я – следом.

– Сла-адим! Лишь бы этот вот выскочил. – Антип похлопал Егора по плечу: – Смогешь? Молодой человек безразлично пожал плечами:

– Да выскочу, мне-то что? Только вот для начала б в парную.

– Ишь, в парную ему... Беги давай! И да поможет нам Господь и Святой Георгий!

Истово перекрестившись, Иван взмахнул кинжалом и кивнул на дверь:

– Беги! Живо!

– Ну, вы, блин, даете. – Егор покосился на тускло блеснувшее лезвие.

– А у окошка-то они не ходят – пасутся.

«Опасаются», – машинально перевел Вожников, покосившись на окно... Нет! Вовсе не полиэтиленом оно было затянато. Бычий пузырь! Старина, блин... И еще игры какие-то тут непонятные.

– Ну, Егорша, пора!

Хлопнув парня по плечу, Иван кивнул жилистому Антипу, и тот резко распахнул дверь.

Ну, только бы девок не было... А и будут – так что?

– Эх-ма! Раскудрит-твою налево!

С веселым матерком молодой человек выскочил из бани и со всех ног помчался к проруби. И черт-то с ними со всеми – окунуться да обратно в парилку... лучше, конечно, к своим. Однако тут, похоже, одна банька-то – вот эта. Ладно, некогда сейчас... Егор не чувствовал мороза – бежал... Но не добежал. Из росших по всему берегу кустов выскочили ему наперерез сразу двое. Молодые краснорожие парни в нагольных полушубках и странных округлых шапках, отороченных потертым рыжеватым мехом. Глядя на Егора, парни глумливо ухмылялись, а в руках... в руках держали короткие копыя!

– Може, погоняем его, как зайца, а, Ждан? – с непонятным азартом воскликнул один. – На стрелу возьмем – то-то повеселимся!

– Не, – сплюнув, откликнулся другой. – Тимоха сказал – на копыя брать. А то б погоняли.

– Ну, на копыя так на копыя.

Покладисто кивнув, красномордый половчей перехватил копые и буром попер на Вожникова.

Подскочил – ударил!

Ввухх!

Эва, ведь не зацепил, зараза! Хорошо, Егор вовремя увернулся.

– Э, ты что, псих, что ли?

– Гли-ко, Ждане, вертлявый попался!

Вожников закусил губу – у него почему-то складывалось такое впечатление, что тут все – психи. Да, у баньки тоже возникла какая-то возня...

– Дай-ка, я его...

– Не, Ждан, я – сам.

– Ну, как знаешь.

Ввухх!!!

Снова дернулось, рванулось копые, в тусклом мартовском солнце сверкнуло злобой жаждущее крови острие... Хорошее, кованое...

Правда, Егор пристально его не рассматривал – готовился, попрыгал... легко – все ж боксер! – уйдя с линии атаки, перенес вес на левую ногу и, правой рукой перехватив древко, левой ударил нападавшего снизу – апперкотом – в челюсть. Резко, быстро, умело – как когда-то на ринге.

И секунды не прошло, так – миг. Выронив копые, краснорожий кубарем покатился вниз, к проруби, впрочем, Вожников этого не видел – ведь перед ним оставался еще и другой – Ждан... Который, похоже, еще не понял, что же все-таки произошло.

– Эй, Стяпан! Я ж говорил – тропка скользкая. Ладно, теперь уж сам.

Сам? Ну, давай, чего уж.

Подскочив ближе, Егор сделал ряд обманных движений, целью которых было увести противника с тропы... так и вышло – сделав неверный шаг, недотепа Ждан левой ногой провалился в сугроб, на миг отвлекся. Вожникову этого было более чем достаточно – резкий прямой удар – джеб – в переносицу. И – полный нокаут.

Кто-то бросился сверху, от бани – младший братец, Данило.

– На вот армяк, накинь.

Гляди-ка, какой заботливый! То на парней голым выставил, то – армяк...

– В сугроб, в сугроб – живо!

Егор так сразу и не сообразил, зачем это бородач схватил его за руку, потащил за собой в снег... Что-то просвистело над самой головой, и рядом, в сугроб, ткнулась, провалилась до самого оперения стрела!

– Это что еще тут за робин гуды?

– Ловко ты их, Егорша! Теперь тихо сидим – в вербах стрелки засели. С-сволочи!
– И долго нам тут валяться? – Вожников натянул армяк... и едва не словил стрелу.
Даже несколько – наверное, с полдесятка ударилось в снег рядом.
– Не высывайся из-за бугра, паря!
– А?

– Голову, грю, пригни. Ничо, недолго. Старика, псы, прибили, да Иване, брате, не лыком шит! Недаром Тугой Лук прозван. Ишшо поглядим, кто кого! Да и глядеть нечего...

Ждали и впрямь недолго – откуда-то с пригорка донесся крик:

– Э-эй, как вы?

– Да ничо, живаху.

Данило вскочил на ноги, следом за ним поднялся и Егор – смешной, в армячишке да босиком по снегу.

Сверху, напряженно поглядывая по сторонам, спускались Иван с Антипом, оба довольные, с закинутыми за спину луками. Подойдя ближе, Иван улыбнулся, похвастался:

– Трех с Антипкой положили в вербах.

– И язм одного на нож взял, брате. Да Егорша двоих – кулаком. Вот, я те скажу, ударец! Как там?

– Мыслю, нет никого боле, – пригладив бороду, нехорошо усмехнулся Иван. – Полудюжиной и явились, дескать – на нас и столько хватит. Злыдни!

– А может, так просто заимку проверить решили? Вдруг да мы здесь?

– Может, и так... Оп-па! Гли-ко, шевелятся...

Егор посмотрел на реку. Тот парень – Стяпан – уже пришел в себя и, оглянувшись, побежал к противоположному берегу, к лесу.

– Врешь, не уйдешь!

Иван сдернул с плеча лук. Пропела стрела. Черная бегущая фигурка дернулась, нелепо взмахнув руками, да, повалившись в искрящийся синеватый снег, так там и застыла.

Данило кивнул на застонавшего Ждана:

– А этого в баньке спытаем. А ну, Егорш, подмогни-ка Антипу.

У самого предбанника, в щедро окрашенном кровью снегу, недвижно лежали двое – давешний седобородый старик – Вожников так и не знал, как его звали – и какой-то незнакомец со шрамом вместо левого глаза. Круглая заячья шапка его валялась рядом, в сугробе, сальные волосы лежали вокруг головы страшным окровавленным нимбом.

– Деда убил... Кор-рва! – Данило с остервенением плюнул убитому в лицо.

Не до конца понимая, что вообще происходит, Егор с помощью Антипа затащил пленника – именно пленника, а как иначе назвать? – в предбанник. Ждан постанывал и держался за челюсть. Хороший вышел джеб, приятно вспомнить и рассказать не стыдно!

– Сколько вас? – с ходу поинтересовался Антип. – А ну говори, шпынь, не то долго помирать будешь!

Парень лишь хлопал глазами да стонал:

– Ы-ы-ы... а-а-а...

– Ой, Егорша, чую – выставил ты ему челюсть.

– А чего он – копьем? – обидчиво дернулся молодой человек. – Тебе его жаль, что ли?

– Не его, паря, нас. Как же мы теперь от него хоть что-то визнаем... Хотя! Найдем, как... Давай его на лавку... ага...

И вот тут, в предбаннике, Егор наконец ощутил холод. Да так, что весь содрогнулся, зубами застучал... Еще бы!

– Я-я-я это, пожалуй, в парилочку.

– Давай!

Махнув рукой, Антип повернулся к шпыню:

– Эй, нелюдь. Говорить не можешь – кивай. Или мотай головенкой. Вас полдюжины, так?

– У-у-у, у-у-у, – парняга с готовностью затряс головой.

– Ну, слава те, Господи. Вы ведь за ним шли, за Егором? Ах, нет?.. Но – по нашу душу? Ага... Просто глянуть? Ну-ну... так я и мыслил.

Окончания столь любезной беседы Вожников дожидаться не стал, убежал в парилку, сразу же швырнул на камни несколько ковшиков подряд, схватил веник... Правда, долго париться ему не дали: в парную заглянул старший братец, Иван, за которым маячила узкая, с редкой бородкой физиономия Антипа.

– Все, Егорий. Уходим. Сейчас на заимку зайдем да двинем подальше, утра не дожидаясь – от греха.

– Угу...

Быстро окатившись «летненькой» водицей из небольшой шайки, Егор накинул армяк, сунул ноги в принесенные кем-то – наверное, Антипом – лапти(!) да вслед за братьями зашагал по бережку вверх, к усадьбе...

К усадьбе... Найти Леху, уехать поскорее отсюда... Это что ж такое творится-то? В чистом виде сто пятая... ну, эти-то – молодой человек неприязненно покосился на своих спутников – понятно, защищались. Хотя... вон, Антип бежит, догоняет, на ходу наклонился, руки кровавые о снег обтер. Ой, не зря он в баньке задержался... бедный Ждан. Хотя с чего он бедный-то? Сам пришел – точнее, пришли – напали, едва кишки из него, Егора, не выпустили! Копьями-то махали со всем остервенением, мать их... Если б не бокс – остался бы он на снегу, не ходи к бабке, лежал бы вот так, раскинув руки... голый, блин. Одно хорошо – холодно бы не было.

Поднявшись к усадьбе, молодой человек закрутил головой в поисках «уазика» или, на худой конец, снегоходов. Вот тут же они стояли, у ворот, а «УАЗ» – во дворе... Черт! Удивленно щурясь от бьющего прямо в глаза солнца, Вожников осознал, что пришел вовсе не туда, куда надо бы. Не та оказалась усадьба! И забор не тот – частокол какой-то, и двор маленький, и дом – не дом, а избенка курная, почти по самую крышу в сугробе.

– Эй, мне, наверное, не сюда надо. Усадьба-то где?

– Она и есть, паря, – обгоняя, буркнул Антип. Обернулся. – Ты одежду-то свою где кинул?

– Теперь уж не помню... Да и вообще – трудно соображать, – честно признался Егор.

Антип махнул рукой:

– Ла-адно, сыщется что-нить. На заимке много чего есть. Жаль старика, похоронить бы, да некогда. Прав Иван Борисыч – уходить поскорей надо. Ждан – пленник – сказал, их сюда одноглазый весянин привел... полдюжины воев. Еще три дюжины – на Пашозерский погост пошли, думали нас там застать. Просчитались. А ведет их Афанасий Конь, младшой воевода московский.

– Младшой воевода? – честно говоря, Вожников такого термина не припоминал и от реконов раньше не слышал. – Боярин? Служилый человек?

– Точно – служилый, – Антип неожиданно расхохотался. – Нас словит – выслужится, дальше некуда. Пару деревенок Василий-князь ему, уж верно, пожалует.

Пару деревенок...

Егор еще хотел что-то спросить, да Антип не дал, опередил:

– Данило Борисыч бает, будто ты голыми руками – двоих. Правда ль?

– А чего ж неправда? – молодой человек рассеянно повел плечом. – Я ж боксер, хоть и бывший. Одному – джеб, апперкот – второму.

– Силе-о-он! Ладно, еще поговорим, паря.

«Сам ты паря!» – входя в курную избу, буркнул про себя Вожников. Пригнуться не успел – стукнулся лбом о низкую притолочину, выругался... Братья с Антипом засмеялись.

– А они тут пошуровали, – осматриваясь, задумчиво произнес Иван. – Эвон, все разбросано.

Младший, Данило, хохотнул в бороду:

– Серебришко искали, шпыни!

Егор слушал вполуха, пораженный неожиданно открывшейся ему картиной, точно сошедшей с полотен передвижников. Типичное житье-бытье угнетенных гнусным царским «прижимом» временнообязанных крестьян какой-нибудь Пустопорожней волости: минимум мебели – опрокинутый стол, сколоченный из тесаных досок, лавка, распахнутый настежь сундук. Все правильно, машинально отметил молодой человек, доски в старину только тесали, не пилили. И сундук такой – даже не старинный, древний.

– Да-а-а, – присев на лавку, с усмешкой протянул Иван. – Ну что, Егорша, сыщешь тут свою одежонку? Хо! Лучше и не ищи – одевай, что есть.

Молодой человек так и сделал – а что, лучше голым ходить, в армяке да в лаптях? Ничуть не стесняясь, натянул на себя исподнее – узкие полотняные порты, нижнюю – тоже из полотна – рубаху, поверх нее накинул рубаху шерстяную, крашенную, похоже, дубовой корой... нет!

Конечно же, крапивой с квасцами!

Цвет такой характерный, буровато-зеленый. Это ж надо – и тут реконструкторы! Ну, кому другому придет в голову рубахи из грубой шерсти ткать да крапивой красить? Кстати, не такое уж и простое дело, весьма даже трудоемкое. Конечно, можно все заказать – есть в Москве магазинчики, на подобной продукции специализирующиеся, – мечами торгуют, кольчугами да вот, одежонкой. Весь комплект русского ратника – служилого человека века четырнадцатого – запросто можно купить, что у реконов вовсе не возбранялось, однако и уважения не вызывало. Иное дело, ежели сам делал, сам ковал, сам красил – рецептов на специальных сайтах полно, да и в социальной сети «В контакте» групп немерено, в основном почему-то «римских» – всякие там легионы, варвары... Да, тевтонцы еще. У них, впрочем, тоже рукодельцы уважались, а еще – те, кто по-латыни говорить мог, а в случае Егора – на каком-нибудь средневековом русском говоре, они ведь сильно меж собой отличались, москвич от рязанца, смолянин от новгородца. Последние, кстати, к древнему языку ближе: «щ» не выговаривали, часто заменяя двойным «ш» – ишшо, пишша... или даже – пишта, «цокали» – цто? цево? зачем? согласные удваивали, гласные глотали... а, к примеру, рязанцы, наоборот, – тянули: о-о-о... а-а-а... у-у-у... Егор за долгие вечера наострился на разных старинных диалектах болтать, мог как рязанец или москвит, мог – как новгородец. Вот и этих «чертей» понимал – их говор от современного языка не так уж и сильно отличался... Может, кое-как научились, да и посчитали – сойдет, ладно... Вот опять! Надев армяк, Егор вскинул голову – что ж, это все ж реконструкторы, выходит? Очень похоже, что так. Кому еще в курной избенке жить надо, без телевизора, телефона, ноутбука? Ничего ведь тут такого не было, даже хоть какого-то инструмента – дрели, плоскогубцев, кусачек... Топора – и того... Хотя нет! Топор все-таки был: вон, в уголке валяется. Егор не поленился, поднял... и ахнул! Вот вам и топор – настоящая боевая секира! Изящная, между прочим, вещь, вполне приличной убойной силы – куда там сабле! Длинное прочное древко, серебристое – полукружьем – лезвие. И метать, при нужде, можно, и зверя дикого бить, и дровишки порубать на костер.

– Вижу, приглянулся тебе топорик, – неслышно подходя сзади, сказал Антип. – Так бери... и вот тебе пояс да нож. Сапог своих не сыскал?

– Нет.

– Ну, некогда сейчас, надевай уж поршни, в лаптях далеко не уйдешь.

Да уж, точно не уйдешь, тут Егор был согласен – обычному мужику-крестьянину, скажем, еще даже веке в девятнадцатом одной пары лаптей едва-едва на три дня хватало. Так что с лаптями... Поршни!

Эти вот, поданные Антипом, башмаки с кожаными ремнями именно так и назывались. Ну, поршни так поршни – лишь бы впору пришлись...

Присев на лавку, Егор быстро натянул обувь, прошелся: впору.

Обрадовался, хоть, казалось, с чего бы? К чему? До «уазика» только дойти да рвать поскорее отсюда ото всех этих непоняток-разборок, или... или все же «авторитетов» попытаться отыскать?

– Слышь, Антип, а кроме этой избы, тут что поблизости? Ну, усадьба, заимка охотничья в какой стороне?

– Это и есть заимка. А боле тут ничего. Хаживали вкруг, не видали.

Вожников хмыкнул – не видали они.

– Антипко, в амбаре глянь, – встав, распорядился Иван... Иван Борисович.

Вообще, как-то странно братья ко всем относились: к Егору – явно покровительственно, но вроде как почему-то держали за своего, а вот Антипа, похоже, вообще за полчеловека считали, гоняли по любому поводу. Странно, но этот, хотя и довольно молодой еще мужик, но вовсе не безусый юноша – судя по виду, Антипу было едва за тридцать – слушался Ивана с Данилою беспрекословно. Хотя и без раболепства тоже, просто молча делал указанное. Вот и сейчас без лишних слов бросился во двор да вскоре притащил откуда-то лыжи. Странные, надо сказать, лыжи: широченные, явно охотничьи, подбитые беличьим мехом! Очень удобно и практично – с горки вниз не скользят. Крепления... хм... ремни какие-то. Да уж, не беговой пластик... на котором по лесу-то, по сугробам, не очень побегаешь. И опять же – досочки тесаные, выделанные тщательно, ясно дело – вручную.

Что ж, лыжи так лыжи – Леху, «уазик», усадьбу поискать надо!

Экипировавшись, все четверо вышли во двор и, не оглядываясь, покинули заимку, направляясь к ближайшему лесу. Впрочем, лес тут был везде, а вот дорога... с дорогой дело выглядело плохо. Нигде ее что-то не наблюдалось. Ни дороги, ни усадьбы, ни колеи... ни лыжни даже!

И эти-то еще, блин, попутчики, лыжники хреновы... Трупы в снегу бросили, в полицию никто, похоже, заявлять и не думает... Ну дела-а-а!!! Некогда, говорят. Куда торопятся-то? А ведь всю троицу наверняка кто-то преследует, не зря ж они так спешат, да и ведут себя вполне соответствующе. Как беглецы! Натворили, накосячили что-то? Ну, Егору-то с ними явно не по пути, ему б только отыскать знакомых... ну, или хотя бы «уазик». Незачем в чужие дела ввязываться, тем более такие, с трупами.

– Что, пойдём, что ль...

Иван... Иван Борисович... посмотрел в небо, поправил на голове шапку – круглую, отороченную каким-то дорогим мехом, Егор не мог определить, каким именно, но точно – не нутрией.

Антип вдруг повернулся к Вожникову:

– Ну, vedi, друже. Ты ж у нас проводник. Места-то здешние не забыл?

– Да не забыл, – ответил молодой человек.

Еще б забыть. И на байдарках тут по всем рекам хаживал, и так приезжал – на рыбалку, знал всю округу как свои пять пальцев... ну, почти. Считал так, по крайней мере, и думал, что имеет на то все основания... а вот оказалось, что нет! Вот именно в этом месте и не был. Севернее, южнее – да, а вот здесь – нет, не случилось как-то. Карту, правда, помнил: если вниз по речке спуститься – как раз в соседний район попадешь, на Лидь-реку, Колпь, Чагоду. Все волжского бассейна речки, если даже на лыжах сейчас пойти – потом в любую сторону можно: Белозерск, Череповец, Вологда, Рыбинск... Только вот не нужна сейчас никакая Вологда, никакой Рыбинск – домой бы поскорее добраться! Добраться да думать, как из всего этого вылезти? Трупы-то рано или поздно найдут, не рыбаки, так позже – летом – туристы. Хотя мертвяков-то

и звери запросто подобрать могут, а если так – то и беспокоиться особенно нечего. Разве что парней тех жалко, ну, так они первые напали, причем со всей серьезностью. Ну-ка – копьем в брюхо! Не бокс бы, так для Егора совсем плачевно дело бы закончилось. Так что какая тут, к черту, жалость? И все-таки... все-таки кто б они ни были – а все ж люди. Похоронить бы... тем более, деда – тот-то вообще не при делах.

Антип хлопнул Вожникова по плечу:

– Пошли, пошли, друже. Котомку на-кось возьми.

Ну пошли, так пошли. Кинув на плечо поданный Антипом мешок, Егор взял в руки палку – почему-то одну, но тоже по виду – старинную... Впрочем, в древности так вот, с одной палкой и ходили. А как же! Свободной-то рукой, ежели что – кинжал из-за пояса выдернуть, саблю – мало ли кто в лесу встретится? Зверь или человек – что еще хуже: поди знай – враг, друг.

Пошли. Заскрипел под лыжами плотный, слежавшийся за зиму снег. Осмотревшись и примерно прикинув, что к чему, Вожников направил лыжи параллельно реке, немного покрутился по всей округе и, не отыскав ни дороги, ни усадьбы, к ней, к реке, спустился – куда еще-то? Хоть баньку какую-нибудь отыскать, а рядом – жилье.

Антип и братья шли позади молча, не выказывая и намека на недовольство: раз ведет проводник, значит, знает. Егор усмехнулся: интересно, с чего это они его за проводника-то приняли? Верно, кого-то такого ждали.

Шли себе, шли, Егор все глаза проглядел, а никакого намека на жилье нигде не увидел. Похолодало, и желто-красное солнце уже наполовину скрылось за хмурыми вершинами елей.

– Ночью, видать, морозец зарядит, – промолвил Антип. – Пока не стемнело, надо место для ночевки выбрать.

И то правда, пора. Ножи, топор-секира есть, можно устроиться хоть с каким-то комфортом, пусть относительным, минимальным, но все же.

– Ночевать будем, – хрипло распорядился Иван. – Место приглядывайте.

Антип углядел первым:

– Во-он в том распадке, Иван Борисович, самое милое дело.

Вожников кивнул – и в самом деле, место для зимнего бивуака неплохое: овражек с крутыми склонами, рядом ельник, можно нарубить лапника, да и сухостоины недалеко маячили – словно специально для костерка.

– Сейчас костер запалим, – приказал – именно приказал! – Иван Борисович. – Антип, Егорий, давайте дрова да шалаш, а мы с Данилой – за дичью. Тебе, Егорша, кто больше глянется – зайчик или рябчик?

– Рябчик повкусней будет.

– Ну, рябчика и запромыслим.

Немного передохнув, братцы закинули на плечи луки и, привязав к стопам лыжи, исчезли в густом ельнике.

– Запромыслят, – проводив их взглядом, усмехнулся Антип. – Недаром Иван Борисыч Тугим Луком прозван. Да оба любят охотиться, как говорят – охота в охотку... А ну-ка, Егор, поспешай! Сруби во-он ту сушину, а я пока снег для костерка утопчу да накидаю лапника.

Все делалось правильно, споро и без особой спешки – как и положено в зимнем походе: расчистили-утоптали снег, наложили рядом лапника – сесть, запалили из хвороста костерок, притащили сушину – потом, как костер прогорит, сунуть в угли – пусть тлеет, дает на ночь тепло – это вместо туристского шатра с печкой. Кстати, полог бы какой-никакой не помешал.

Вожников оценил склоны оврага, затем выбрался наверх, осмотрелся:

– Давай-ка, Антип, во-он тех мелких елок нарубим – вроде как крыша.

Напарник молча кивнул, и оба быстро зашагали в ельник, благо, и шагать-то далеко не надо было – молоденькие елочки росли совсем рядом, за ивами и осиной.

Накрыв «крышу», молодые люди вновь спустились в овраг, к разгоравшемуся костерку. Развязав котомку, Антип вытащил котелок (запасливый!), черпанул снега да поставил в огонь – топить воду.

– Если чая нет, я тут недалеко, на старой березине, чагу видел – заварим. Принести?

– Неси, – улыбнулся в усы Антип. – Парень ты, я вижу, приметливый. Да! Корья-то березового захвати еще.

Пока то да се, закипела натопленная из снега вода – заварили чагу, уселись дожидаться братьев. Начинало смеркаться.

– До темноты придут, – перебирая котомку, уверенно протянул напарник. – Гляди-ко, и соль у старика завалилась! Запасливый. Хлебушка б, да уж ладно, как-нибудь.

Антип смотрел на соль с таким видом, с каким смотрят на кусок золота или на какой-нибудь там приличных размеров бриллиант. Егор даже поежился – именно так относились к соли в Средние века, все время ее не хватало, даже самая малость – богатство. А как иначе пищу на зиму сохранить?

Напарник все делал степенно, основательно – сняв котелок, поставил рядом, в утоптаный снег – стынуть, затем, умело работая ножом, принялся мастерить из принесенной Егором коры туеса. Все правильно – кружек-то, похоже, у беглецов не имелось.

Вообще, на взгляд Вожникова, этот Антип производил довольно странное впечатление: с одной стороны – покладистый, улыбчивый, а с другой – иногда ка-ак зыркнет... К тому же это ведь он пытал, а затем убил – убил, убил! – того несчастного парня, Ждана... Несчастного? Был бы Ждан половчей, еще посмотреть, пил бы сейчас Егор чагу или валялся холодным трупом в сугробе, и вороны растаскивали б кровавые кишки из распоротого копьем брюха. Да-а-а...

– Слышь, Антип, а те парни, которые на нас напали, они, вообще, кто?

– А то ты сам не ведаешь! Афоньки Коня, московита, людишки по нашу душу. – Антип прищурился, зачерпнул туесом заваренную в котелке чагу, отпив, крикнул: – А-а-а-ах!

– А чего они такие отморозки-то? – не отставал Вожников. – Копья, ножи, луки – что, не могли из карабина пришибить? Или эти парни из тех людей, что легких путей не ищут? Я так понимаю, вы им где-то дорожку перешли, а я – с вами за компанию, как в том тосте...

– Егорша, а братья-то рады, что ты к ним пришел, – словно не слыша, перебил напарник. – Как обозвался – так и обрадовались, все ж их поля ягода.

– Так кто они такие-то, эти братья?

Антип сдвинул брови:

– О том, Егорий, тебе и знать покуда незачем. Догадывайся сам, а меня – уволь. Как батюшка мой покойный, Чугрей Хлынов, говорил (а он сам от какого-то мудрого человека слышал): многие знания – многие печали.

– Философ твой батюшка, – хлебнув чаги, хмыкнул молодой человек. – Как, говоришь, его звали-то?

– Чугрей Хлынов. Да слышал, поди, есть такой город.

– Все равно, странное имя – Чугрей. Старообрядец, что ли?

– Сам ты обрядец! – Антип обиженно вытряхнул остатки чаги в снег. – А батюшка мой хоть и из простых людей, да мудрый.

– Кто б спорил? – развел руками Егор. – Ты, стало быть, Антип Чугреевич, та-ак...

– Чугреевы мы... А Чугреевич это уж ты, Егорий, чересчур.

– Ну, Чугреев так Чугреев – мне какая разница? Еще чаги налей... не чай, а все ж после такого забега неплохо.

Чугреев пододвинул котелок ближе:

– Пей, пей. Чага есть, а снегу еще натопим. Ты мне вот скажи – правда ль, что одним кулаком... да обоих?

– Да что там, – Вожников даже смутился немного. – Боксер я, не ясно? Пусть бывший, но все-таки до камээса дошел, по «юношам», правда. Да, если б не бросил, может быть... Впрочем, чего уж теперь об этом?

Напарник непонимающе поморгал, а потом снова спросил про удары.

– Да, да, удары, – замахал руками Егор. – Особые такие удары... как и вообще в боксе.

– Особенные удары, говоришь? Вот-вот! – Антип неожиданно обрадовался. – Вот и я про то! Ты что же – боец кулачный?

– Говорил же уже! Ну... можно сказать и так.

– И меня можешь таким ударам обучить?

– Тебя? – молодой человек скептически оглядел напарника. – Тебя уж, пожалуй, поздно, возраст не тот. Хотя кое-что покажу, удар поставлю. Слушай, а вы меня в баньке специально, что ль, дожидались? Все-таки стремно как-то – не удивились даже.

– Да уж, ждали, – кивнул Чугреев. – Янько-весянин, охотник местный, третьего дня еще обещал проводника прислать, сам-то не захотел с нами. Борисычи думали его силком принудить, да потом старшой, Иван Тугой Лук, смекнул – а что толку? Лесища-то тут какие... заведет да сгинет, а мы потом выбирайся как хочешь. Ведь так?

– Так. Значит, этот Янка... Янько меня к вам и прислал... так вы подумали?

– А как же, мил человек?!

Антип засмеялся и тут же закашлялся, схватившись за туес с чагой. Напился, сплюнул в снег, зыркнул вокруг глазами – узкими, глубоко посаженными, непонятно какого цвета.

– А Янько нас не выдаст, не думай. Он хоть и изгой, а все ж два сына – в Хлынове. Знает, если что – достанем. Не-ет, незачем ему нам вредить, себе дороже. Не он шпыней московитских навел, сами они по наши души явились – погоня! А к заимке по случайности вышли, воевода их, Афонька Конь, видать, человек основательный – все по пути проверяет, даже самую мелочь старается не упустить. В одном погорел – не тех людишек отправил, не думал, верно, что мы там, на заимке, на погосте нас искал Пашозерском, да еще на Харагл-озере – Янько все туда нас хотел направить... Вот, тебя дождались... Не думали, что с вожской земли проводник будет.

– С какой-какой земли?

– А с такой.

Антип вдруг подсел ближе и, положив руку Егору на плечо, сочувственно покачал головой:

– Чую, Егорша, были когда-то и твои предки с землецею... может, даже и своеземцы, не смерды, не закупы. Увы, увы... А теперь что ж? Землицу похватили, поделили, род почти что под корень извели, ты вон сам, почитай, как изгой, скитаешься, никому не нужный... Ведь так? Молчишь? Вижу, что так... Да не переживай, паря! Есть, есть на Руси-матушке местечко, где тебя завсегда примут, завсегда рады будут... Такому-то бойцу! Туда со мной и пойдешь... опосля, как Борисычей, куда им надобно, доведем... Ну, как? Согласен?

Неопределенно пожав плечами, Вожников подкинул в костер дров. Сейчас как раз настало самое время спокойненько, никуда не спеша, определиться – как, собственно, дальше быть? Что делать? Все эти люди – Антип, Борисычи – вызывали подозрений не меньше, а может, даже и больше, нежели убитые ими «шпыни». Кто ж они такие все-таки? Свои братья-реконструкторы? Судя по одежке и причиндалам, по говору – да. Однако чего ж тогда таятся, толком о себе ничего не рассказывают? Антип Чугреев молчит, как партизан на допросе, Борисычи... так с ними Егор и не говорил еще по душам. Поговорить сегодня? А смысл? Если накосячили что-то серьезное (а по всему видно, что так оно и есть!) – не расколются ни за что, да за лишние вопросы могут и язык отрезать... хотя проводник им явно нужен... пока. А потом что? Да что угодно! Эти трое, по всему видать, люди крайне серьезные, крови не боящиеся... беглые зэки? А что? Очень похоже. С зоны сдернули в леса, забрались в первую же избенку, одежду казенную сменили на ту, что нашлась. А те, что их преследовали,

тоже беглые, видать, не поделили что-то. Правда, стрелы эти, копье, говор... Как-то странно все это! Странно и непонятно.

И что делать? А ничего – спокойно вывести всю троицу поближе к жилым местам... скажем, к тому же Пашозеру – вполне себе людный поселок, со связью, с дорогой... Туда их и привести! Если они не оттуда пришли – а то ведь увидят телефонную вышку, дома, озеро – догадаются. А с другой стороны – не должны! Они ж тут чужие, а он, Егор – местный... ну, почти. К тому же – боксер, хоть и бывший.

Вожников улыбнулся: что ж, так и следовало поступить – к Пашозеру, так к Пашозеру, а дальше видно будет. Не по лесам же, в конце-то концов, с этой подозрительной троицей бегать. В Пашозеро, да... Знать бы еще теперь, в какую это сторону? Понятно, что на запад, а если по реке? Река-то петляет! Ладно, справимся как-нибудь.

Борисычи, как и обещали, явились до темноты, оба раскрасневшиеся, довольные, с дичью:

– Держи, Егор, рябчиков! Готовьте с Антипкой. Что тут у вас в котелке-то? Чага? Ах, хорошо испить – употели. Налей-ко туес... Ох, добре...

С добычей Чугреев расправился быстро – обжег да сунул на угли, никакого вмешательства Вожникова и не понадобилось. Братя – видно было – притомились да, напившись чаги, подремывали на лапнике в ожидании ужина, вскоре и воспоследовавшего – чудесные оказались рябчики, упитанные, жирные, да и приготовил их Антип умело – в собственном соку.

Все четверо уплетали дичь за милую душу, жаль вот только соль экономили, и все ж и почти без соли – вкуснотища! И, главное, много – три дня запросто можно было есть. Подкрепившись, повалились спать, сунув в костер сушину. Тихо было кругом, благодно, правда, где-то вдалеке, за крутым, поросшим хвойным лесом холмом, были на луну волки – вот тоже опасность еще та, хорошо хоть не напали в ночи. Слава Богу, похоже, не чуяли, далековато были.

Враги поджидали их по дороге на Пашозерский погост, у самого зимника, там, где рядом с дорогой сочился со скальных выступов водопад, наполовину скрытый тонким искрящимся льдом. Вожников хорошо знал эти места – здесь, неподалеку, они с друзьями частенько ловили рыбу.

Первым насторожился Антип, встал на лыжах как вкопанный, втянул носом воздух... и тут же упал, пронзенный пропевшей смертную песню стрелой.

– В лес! – махнув рукой, закричал Иван Борисович. – Скорей к лесу!

Пригнувшись, все трое побежали так быстро, как только могли, жаль, сильно мешали лыжи, да ведь не сбросишь же их на ходу, не отвяжешь – некогда. Тем более, и снег на пути не везде твердый – сугробов еще было немерено. Снова просвистела над головой Егора стрела, сбила шапку, вторая едва не поразила парня в плечо, хорошо, поскользнулся, упал, да так удачно – в кусточки, – что смог наконец-то избавиться от лыж, а уж дальше – ползком, ползком – к лесу.

Там, в густом бору, и укрылись, там уж не страшны были стрелы, там и перевели дух, осмотрелись... Осмотрелись бы, а не дали! Словно псы, выскочили из-за деревьев воины в кольчугах и шлемах: трое бросились на Борисовичей, один – ловкий такой парнишка с узким безусым лицом и серыми сверкавшим из-под шлема глазами – на Егора. Так себе соперник, если б не кольчуга, так «в весе курицы». Правда, меч при нем, ишь, размахался... маши, маши...

Егор выхватил секиру, взмахнул – враг пригнулся, и тяжелое лезвие со свистом разрезало воздух. Мимо! А вот меч – ловок, ловок парняга! – едва не пронзил Вожникову грудь, хорошо хоть успел отпрыгнуть да снова махнул секирой. Да так, что поразил бы юного супостата прямо в голову, разрубил бы шлем как нечего делать, а вместе со шлемом и череп... Увы! Враг неуло-

вимо дернулся, отклонился и в тот же миг резким выпадом ударил клинком по древку... Выбита из рук Егора секира упала в снег. На тонких губах врага заиграла торжествующая усмешка, а в серых, с презрительным прищуром глазах его словно бы улыбнулась смерть.

Рано радуешься!

Вожников сжал кулаки – боксер он или кто? Подпустить соперника ближе, пусть замахнется и – крюком в челюсть! Полетит в сугроб вверх тормашками, никуда не денется, меч в одну сторону, сам – в другую. Ну! Давай, давай, подходи же!

Враг подошел, замахнулся все с той же ухмылкой...

Егор ударил...

Что-то сверкнуло в воздухе... и отрубленная рука Вожникова, играя кровавыми брызгами, полетела в снег.

Не успел, не успел, бли-и-и-ин...

Один из братьев – Данило – уже лежал с пронзенной копьем грудью, второй – Иван Тугой Лук – что-то яростно крича, еще отбивался от наседавших врагов, но видно было – из последних сил. Кто-то просто зашел к нему сбоку, метнул топор, раскроив череп. Брызнула кровь пополам с мозгом; Иван Борисович, покачнувшись, тяжело осел в снег.

Впрочем, Егор все это уже воспринимал плохо, правда, и боли не чувствовал, лишь только с удивлением смотрел, как из разрубленного предплечья фонтаном бьет-плещет кровь.

А враг – совсем юный, мальчик еще, не мужик, – смеясь, снова взмахнул мечом... Ломая ребра, острый клинок, словно зубы голодного хищника, впился Егору в грудь, доставая до сердца.

И – сразу померк свет, словно кто-то выключил рубильник. И ничего уже больше не было – ни боли, ни грусти, ни сожаления, только звенящая тьма и – смерть.

Глава 3

Путь

– А-а-а-а-а!!!!

Закричав, Егор проснулся в холодном поту, вскочил с лапника, в ужасе глядя на руку... левая оказалась на месте... и правая.

Господи! Вот ведь приснится же! И главное – все так правдоподобно, натурально так. Парень с мечом. Крюк в челюсть. Блеск клинка и... фонтан крови!

Черт! Правая рука, кстати, болела – как раз там, куда пришелся удар.

– Ты чего разорался, Егорий? – приподнял голову Антип. – Привиделось что?

– Да уж, – молодой человек махнул рукой. – Привиделось.

Вокруг еще было темно, и луна на небе казалась столь же яркой, что и в ночи, однако на востоке, за хмурыми вершинами елей, уже занимались оранжевые зарницы.

– Рассвет скоро, – проснулся и старший, Иван Борисович. – Соберемся-ко, рябчика поедим, да в путь. А, брате?

Данило Борисович, поднявшись, молча кивнул и уселся поближе к тлеющим углям:

– Антип, налушил бы щепы.

Чугреев тут же выхватил нож:

– Сейчас, господине, сейчас.

Не прошло и минуты, как таявший палево-рубиновым светом костер вновь запылал ярким веселым пламенем. Борисовичи радостно переглянулись и с завидным аппетитом принялись уплетать вчерашнего рябчика, да так, что только хруст стоял! Не отставал от них и Антип, а вот Вожников что-то не чувствовал голода: может быть, вчера переел, а может, потому, что сон нехороший привиделся.

Смачно рыгнув, Чугреев облизал косточку и, бросив ее в костер, потянулся к котомке, вытащил из нее какой-то сверток:

– Эвон!

Сразу запахло чем-то прогорклым, тухлым.

Иван Борисович даже нос пальцами зажал:

– Это что за вонища-то?

– Сало медвежье! – с важностью пояснил Антип. – Старик-то запасливым был. От волков по весне – первое дело. Почуют шатуна – ни за что во след не пойдут. Так что мажем лыжи!

– Да уж, запасливый дед, царствие ему небесное.

Размашисто перекрестившись, Данило Борисович встал на лапнике на колени и принялся вполголоса молиться, то и дело крестясь и кланяясь. Ему тут же последовали и остальные – старший братец Иван, Антип Чугреев, Егор... А почему б и не помолиться-то? Коли все так делают, так негоже белой вороной быть, тем более, и сам-то Егор – православный, бабушкой еще в сельской церкви Фрола и Лавра крещенный.

– Господи Иисусе Христе...

– Николай Угодник Святой...

– Святой Георгий...

– Богородица Дева...

– Удачи пошли, успеха во всех делах наших скорбных.

Щурилась в светлеющем небе луна, тускло мерцали звезды, ширился, золотил верхушки деревьев рассвет.

– Господи Иисусе Христе!

Помолившись, смазали медвежьим салом лыжи, вскинули на плечи котомочки. Старший – Иван Тугой Лук Борисович, бороду рукой пригладил:

– Ну, инда и в путь. Веди, Егорша!

Егор и повел. Не к Белоозеру, куда беглецы хотели, нет – в Пашозеро, как сам для себя решил. А зачем с этими придурками по лесам шататься? До Пашозера, как молодой человек прикинул еще вчера вечером, было где-то километров двадцать или чуть больше – почти целый день идти, по крайней мере, до полудня, лыжи-то не беговые – охотничьи. А что тут ближе-то? Если только в соседний район выйти... или даже в Вологодскую область.

Шли по зимнику, большей частью тянувшемуся по льду неширокой речки, но временами, срезая углы, взбиравшемуся и на холмы, и дальше – по лесам, через болота, летом бы тут ни за что не пройти, потому и «зимник».

Солнце, поднявшееся в светло-синее, словно протершаяся джинса, небо, светило путникам в спины, лишь иногда уклоняясь в сторону из-за изгибов пути. Сразу взяв темп, шагали ходко, никаких перекуров не устраивали: странно, но все трое невольных спутников Вожникова оказались некурящими, как, впрочем, и сам Егор; ну он-то понятно, все-таки спортсмен бывший, а вот эти?

А тоже – почти спортсмены, шли так, что сам Вожников ухайдакался и несколько сбавил ход, а сзади уже наступали на пятки, зубоскалили, подгоняли:

– Что, Егорий, устал?

Устал... А почему б и не устать-то? Километров десять уже в таком темпе прошли, будто черти по пятам гнались; Егор уже и дыхалку сорвал с непривычки, а этим хоть бы хны! Ну, лоси!

Егор мысленно прикидывал карту – еще немного, и будет скала с водопадами, а уж от нее можно считать – рядом. Скала. Та, что во сне.

Черт! Взобравшись по зимнику на небольшой холм, Вожников пошатнулся – словно обухом по голове ударили. Давление? Или просто устал? И перед глазами возник вдруг – так натурально! – тот самый парень с мечом! Блеск клинка. Взмах... И отрубленная рука взлетела к небу, орошая сугробы рубиново-красными каплями. И так заныла, заболела в том месте, где была перерублена, Егор даже идти не смог и стон не сдержал, схватился за предплечье.

– Эй, паря! Ты что там?

– Да что-то рука.

– Затекла, что ль? Бывает.

Бывает еще и не то. Но чтоб два раза подряд одно и то же видение... И, главное, вот прямо сейчас, сей момент, Вожников почему-то точно знал: подойдут к водопадам, так оно все и случится – напорются на засаду и погибнут все! Так оно все и будет.

Вдохнув полной грудью утренний, еще не отошедший от ночного морозца воздух, молодой человек помотал головой и сплюнул в снег. Откуда такая уверенность? Погибнут – да! Несомненно. Все трое.

– Да что ты, прости, Господи, встал-то? Путь потерял?

Егор сделал еще пару десятков шагов, чувствуя, как скользят по снегу широкие, подбитые беличьим мехом лыжи.

И снова – словно ударило в голову! И правую руку – ожгло! А ноги уже остановились, не шли...

А парень – тот юнец с мечом – возник перед глазами и ухмылялся!

Да что ж такое-то! И вообще, откуда они тут взялись все? С мечами, с копьями. Этот вопрос пока оставался без ответа, а вот предыдущий... Вот тут-то Егор уже начал кое-что понимать! Колдунья! Бабка Левонтиха все же не обманула со своим зельем! Если принять это за аксиому, то... То напрашивается вывод – он, Егор Вожников, все-таки получил, что хотел: воз-

можность предвидеть будущее, пусть локальное, пусть только ближайшее, пусть только самые нехорошие вещи. Но ведь предвидел же! Иначе б откуда этот сон, эти видения? А вдруг – да правда? И ноги не хотят идти...

Пройдя еще несколько метров, Егор снова увидел перед глазами юное ухмыляющееся лицо воина, снова почувствовал острую боль в правой руке... и не смог уже больше идти. Потому что – знал, потому что – предвидел! Работало бабкино зелье.

– Возвращаемся! – обернувшись, решительно заявил Вожников. – Сбились с пути малость.

– Хо! Сбились? – Иван Борисович нервно расхохотался. – Так ты проводник аль хвост собачий?

– Да немного совсем. Сейчас вот чуток вернемся назад, а потом свернем.

Беглецы, конечно же, были недовольны, но все ж не спорили да и не ругались долго: послушно повернув назад, вновь пошли за Егором – а куда им деваться-то? Ворчали только:

– Ну, парень, заве-о-ол!

Шли опять-таки ходко, но теперь проводник вовсе не чувствовал такой обреченности, «отрубленную» в «схватке» руку уже не пронзала боль, и не висела перед глазами ухмыляющаяся рожа юного убийцы в сверкающем стальном шлеме. А главное, на душе стало как-то... ну, не то чтобы хорошо, а спокойно, что ли. Вот ведь бабка!!! Если, конечно, это она, если не показалось все! Да нет, не должно бы.

Пройдя назад половину пути, Вожников уверенно свернул направо, на неширокую поворотку, вскоре приведшую путников к заснеженному лесному озеру, в которое впадала – или вытекала – узенькая речка, даже, скорей, ручей. Местные жители, кстати, произносили это слово с ударением на первый слог – рúчей. Ну, понятно, финно-угры, вепсы – у них всегда ударение на первый слог падает.

Немного переведя дух, по этой речке-ручью и двинулись дальше, ибо направление совпадало с тем, что держал в уме Вожников – к югу. Прошагать километров двадцать-тридцать, а там уж и выйти к какой-нибудь реке Водского водораздела, без разницы, к какой – Лиди, Колпи, Чагоде. Там, рядом – Боброзеро... интересно, жилая деревня? А пес ее... Лидь – точно нежилая, дачная. Зато Заборье, Подборовье, Ефимовский – жилые! Ладно, раз не пускает бабка в Пашозеро, так хоть туда. Борисычи да Антип, судя по всему, мужики опытные, охотники-рыбаки, вон как прут, бульдозером, никакой волк не угонится, никаким танком не оставишь. Сам-то Егор опять уже уставать начал, хоть и молодой мужик, здоровый, спортсмен тренированный. А вот поди ж ты! Едва стали на привал, так сразу в снег и пал. Руки разбросал, лежал, отдыхая.

– На, рябчика пожуй, Егорий. Теперь-то верно идем?

– Теперь – верно. Говорите, в Белозерск вам?

– Да, к Белоозеру.

– Ну, до Ефимовского провожу... или до Заборья, а уж там доберетесь по железке. Деньги-то есть у вас?

– Деньги? А как же! Вона!

Хохотнув, Иван Борисович сунул руку за пазуху и швырнул Егору маленькую серебряную монетку весом грамма три, с витиеватой надписью.

Молодой человек не сдержался, ахнул:

– Неужто ордынский дирхем?

– Она, она, денга татарская! – Иван Борисович самодовольно убрал монетку обратно. – Немного, но денег таких есть. С полкошки.

С полкошки! Кошка – так в Средние века называли на Руси сшитые из кошачьих шкур (они считались наиболее крепкими) кошельки, крепившиеся к поясу. Вон-вон она, «кошка»,

или «калита», к поясу Ивана Борисыча привешена – Егор как-то раньше и не замечал, не до того было.

Ишь ты... Ну, точно, реконы! Кому еще-то на поясах «кошки» носить?

– Мужики, разговор к вам есть.

– Вечером и поговорим. Как на ночлег станем.

Однако ордынский дирхем! Как новенький!

Снова пошли. Потянулись по берегам реки угрюмые хвойные леса, изредка перемежающиеся зарослями осины и пустошами. Проложенный по заснеженной неширокой реке зимник то и дело пересекали звериные следы – заячьи, лисьи, волчьи. Как-то за лесом показалась деревушка в две избы, судя по поднимающемуся дыму – жилая. Однако беглецы к избам не повернули, ходко прошагали мимо. Да и что проку в этих избенках? Круглый год живет там обычно какой-нибудь пенсионер, чаще всего – уставший от большого города петербуржец (точней – ленинградец) или даже москвич. Купил на старость избенку, вот и отшельничает, многим такое нравится. Раз в месяц за продуктами к автолавке выберется и дальше живет, охотится, рыбку ловит, книжки умные при свечках читает, потому как что еще делать-то? Ни электричества, ни нормальных дорог, ни связи.

Вожникова подобные глухие места отнюдь не удивляли – бывал, знал, привык – скорее, поражало другое – «зимники». Это были вовсе не тракторные дороги, а типичный санный или лыжный путь, уже достаточно за долгую зиму наезженный, не заметенный. И кому тут надо бродить-то? В здешней глуши и народу-то столько нет. Заезжие охотники, туристы? Да, как видно, они, больше просто некому. За дичью да за рыбкой хаживали... что же, они добычу-то на санях увозили? Ой, едва ли, едва ли. Откуда ж тогда санный путь? Вот как тот хотя бы, что вел к Пашозеру? Еще лет сорок назад оно б и понятно было – колхознички на лошадках ездили, что кому надо, возили – навоз с дальних ферм, молочко в сорокалитровых алюминиевых флягах. Тогда, в те времена – еще понятно, но сейчас?! Ишь ты – сани. Не слишком ли большая роскошь даже для хозяев предназначенных для весьма состоятельных людей охотничьих баз? Одну-то лошадь прокорми попробуй, а если несколько? Держала одна из хороших знакомых Егора лошадку – все время на дороговизну жаловалась.

Однако... в бане – бычьи пузыри, луки, стрелы, одежда, кошелек-«кошка», ордынский дирхем... Это все сделать довольно трудно, Егор, как человек, долго и продуктивно общавшийся с реконструкторами, очень хорошо себе это все представлял. Все окружающие вещи сейчас, казалось, просто кричали – пятнадцатый век!!! Ну, или четырнадцатый – невелика разница. Но нет... Это было бы слишком уж невероятно... невероятно – но факт! Факты – от них-то куда денешься? И, главное, с луками все, со стрелами, с мечами... Если еще кто-то подобный встретится – тут и думать-гадать больше нечего! Прошлое! Проклятая бабка! Нет... тут, выходит, он сам, Егор, и виноват. Ишь, восхотел предвидения!

И если все так, как он только что себе представил, если Егор Вожников очутился – сам себя перенес! – в русское Средневековье, то... То все встает на свои места, все очень даже логично получается. Спутники его – беглецы, но вовсе не беглые преступники из какой-нибудь зоны, по пути обобравшие краеведческий музей. Не-ет! Местные. Борисычи – явно не простые люди, бояре, а может быть, – даже какие-нибудь удельные князья. Привыкли повелевать, по всему видно, да и держат себя с гордостью, нет, не с гонором, а именно с гордостью, а к Егору и особенно к Антипу Чугрееву относятся покровительственно, как старшие к младшим, словно бы, вне всяких сомнений, имеют на это право. А ведь не шибко и старше-то! Сколько старшему братцу лет? По виду смотреть – около сорока где-то.

На второй ночевке, как развели костер, да братцы вновь вернулись с добычей – на этот раз с зайцем, – Егор повнимательнее присмотрелся ко всем троим: Борисовичам, Антипу. К тому, как они разговаривали, а особенно к обуви, к одежде, поясам да пресловутым кошель-

кам-«кошкам». Молодой человек украдкой даже плащик Ивана Борисовича пальцами пощупал. Знатный плащик и – сразу видно – вручную выделан: квасцами с корьем дубовым крашен, подбит волчьей шкурою, а уж фибула... фибула... любо-дорого посмотреть! Еще б потрогать...

– Иван Борисович, разреши застежкой твоей полюбоваться. Красивая.

Старший хмыкнул в усы:

– Да любуйся! А что красна – так ты прав. Никита Коваль на мою свадьбу выделал, нашей, нижегородской работы, вещь!

Ишь ты, «нижегородской работы»... А ведь и в самом деле – вещь! Да еще какая! Усевшись поближе к костру, Вожников с любопытством покрутил в руках фибулу – изящную, изображавшую Святого Георгия верхом на коне, попирающего копьём свернувшегося кольцами змия. Ажурные золотистые – золотые? – проволоочки, разноцветные сияющие краски: карминно-красная, солнечно-желтая, небесно-голубая, травянисто-зеленая, пурпурная, густо-синяя, изумрудная. Чудесная вещь! Как и техника изготовления – перегородчатая эмаль называется, секрет ее считается напрочь утраченным со времен монголо-татарского нашествия.

– А вот, видать, сохранилась, – шепотом произнес молодой человек. – Как раз с тех, монголо-татарских времен...

– Каких-каких времен? – доедая зайчика, переспросил Иван Борисович.

– Монголо-татарских. Ну, времен ига.

– Мудрено говоришь, Егорша. Совсем непонятно. Иго какое-то... его на лошадей надевают, а при чем тут лошадь? – старший почесал бороду. – Татары нам всем зело знакомы, а монголы... о таких никто и слыхом не слыхивал. Что за люди-то?

– Да так, – скрыв удивление, ответил Вожников. – Красивая застежка! Купили где-нибудь?

– Говорю ж, Никитка Коваль, рядович мой, на свадьбу сделал.

Вернув фибулу, Егор опустил глаза: ну, неужели...

Молодой человек, сжав секиру, машинально дернулся было к лесу – прочь, прочь!

– Дров собрался порубить, паря?

– Да не, просто смотрю – не затупилась ли?

– Не об кого еще твоему топору затупиться-то! – враз захохотали Борисовичи, а вслед за ними и Антип.

– Ну, хочешь, так поточи, а мы спать будем. Ты уж – вместо сторожи ночной. Потом Антип сменит.

Егор кивнул:

– Пусть так.

Все улеглись, положив в костер сушину, тут же и захрапели, лишь Вожников остался сидеть на лапнике, вглядываясь в выдавленные по кромке лезвия топора маленькие вытянутые буквы. Именно вытянутые, не строгие – это все для скорости письма, и такой вот, уже отошедший от прежней строгой графики, шрифт именуется поздним уставом и относится... относится... относится... Эх, черт, еще вспомнить бы! Интересовался ведь, запоминал – у Старой Ладоги на слете Дирмунд Кривой Нож учил, «ранятник», викинг-норманн, в миру – Дмитрий Анатольевич Синевых, кандидат исторических наук, археолог, человек, прошлым всерьез занимающийся, профессионально, а не как Егор – от случая к случаю. Хотя вот тогда и Вожников заинтересовался, любил знающих людей послушать, вот и запомнил: самый ранний шрифт – строгий, прямой – устав, замучаешься его выписывать, а этот вот, вот именно такие буквы, уже не столь строгие и словно бы скошенные, это... нет, судя по слишком уж склонившейся «к» – это даже не поздний устав, а полуустав, век этак четырнадцатый, пятнадцатый, самое его начало. Да, именно так и говорил Дирмунд, Дмитрий Анатольевич. Хороший, кстати, мужик,

помнится, пили с ним бражку – олут... да так, что потом головы трещали, словно от удара тяжелой палицей или уж, по крайней мере, шестопером.

Что ж, если они... надо хотя бы вызнать, куда идем-то? Впрочем, это и так ясно – на Белоозеро. А вот кто напал? Кто преследует?

– Кого пасемся-то? – Егор повернул голову к проснувшемуся напарнику. – Волков, что ли?

– А что нам волков-от пастись? – поднявшись на ноги, потянулся Чугреев. – Он, волк-то, не дурак, понимает: нападать на четверых – себе дороже. Был бы из нас кто один – накинулись бы давно всей стаей, и сало б медвежье не помогло!

А вот это уж точно – не помогло бы. Одному в зимнем лесу – смерть быстрая и лютая. Волки! Потому-то Вожников давным-давно отбросил мысль просто кинуть своих более чем странных спутников да двинуть обратно одному. Ага, двинешь, как же! Быстро чьим-то завтраком станешь. Или обедом, ужином – тут уж без разницы. Тем более сейчас, когда вот оно как все обернулось... или – не обернулось еще? Проверить бы... Вот ежели еще в лесу какая-нибудь деревня встретится – без телевизионных антенн-тарелок, без электричества, вообще без современных вещей... Ладно, пускай не деревня, пусть – просто люди. Если они – по облику, по оружию, по повадкам тоже из Средневековья, тогда уж все ясно будет... Невероятно, но факт!

Егору, конечно же, очень не хотелось бы, чтоб так было, но... Вещи-то говорили сами за себя, и весьма красноречиво. В отличие от обычных людей, историческими реконструкциями не занимавшихся, Вожников это очень хорошо понимал. И если все так, то что теперь? Продолжать сомневаться, старательно обманывая самого себя? Зачем?

Чуть отойдя, Антип шумно помочился в снег и махнул рукой:

– Ладно, спи, Егорий, моя нынче черед сторожить – уж до утра.

– А эти? – Вожников кивнул на храпящих братьев. – Их-то когда черед придет? Или вся наша будет? Слушай, Антип, ты так и не сказал – кто они вообще такие-то?

Чугреев посмурнел:

– Про то нам с тобой знать не надобно, говорил ведь уже. Знай, что люди они непростые – того и хватит.

– Хм, непростые, – не унимался молодой человек. – Бояре, что ль?

– Бояре? – Антип замялся и махнул рукой. – Ну, считай, что так.

Подвинув лапник поближе к тающему костру, Вожников молча улегся спать. Вот и поговорили, блин. Ничего нового не узнал. Хитрые – чужого человека пасутся... тьфу ты – опасаются!

Утром встали и снова прошагали весь день, сделав лишь небольшой привал – слегка подкрепиться. Егор мало-помалу принаравливался к такому темпу, но все равно едва за своими спутниками поспевал, вернее – они его все время подгоняли. После полудня вышли на широкий зимник, через пару верст спускавшийся через болото к реке, судя по всему – Колпи или Лиди, никаких других в здешних местах – пусть и в Средневековье – не должно было быть.

Ох, скорей бы... скорей бы показалась деревня или какие-то люди, скажем, охотники...

Надо будет уговорить Борисовичей остановиться там на ночлег, а потом... А что потом? Уйти в леса одному – опасно и глупо. Да и не отпустят его, среагируют обязательно – Иван Борисыч из лука белку в глаз бьет, да и братец его, Данило, и тот же Антип не многим-то в меткости уступают.

Обе речки, и Лидь, и Колпь, Егор знал – хаживал на байдарках (и не один раз), когда еще был школьником, но с той поры больше не довелось, потому и насчет деревень-поселков молодой человек был не очень уверен, не зная в точности, где они располагались. Тем более, если они древние. Люди-то, конечно, тут и в Средние века жили... Только вот конкретно – где? Понятно, что где-то около реки, но...

Молодой человек посмотрел под ноги: если предположить, что эта вот речка Лидь, то там – вот здесь уже, должна быть железная дорога и станция – Заборье, а за ней – Тургошь. Но нету железки! И поездов что-то не слышать. А ведь должны были дойти уже!

Господи... во попал-то! Господи-и-и-и...

Жуткая тоска навалилась на Егора, так, в тоске этой, он и уснул, хорошо хоть кошмары не снились.

С утра ярко сверкало солнышко, а вот в полдень повалил хлопьями снег, густой, совсем еще зимний. Мягко падал на плечи, словно издевался – вот вам весна! А подождите-ка до мая! Уж тогда, так и быть, может, и растаю, а до той поры – ни-ни, даже и не надейтесь.

Еще вчера с надеждой высматривающий признаки близкой цивилизации Вожников нынче заметно приуныл, даже шел тише, полностью погруженный в свои невеселые мысли, что немедленно вызвало реакцию беглецов:

– Эй, эй, Егорша! Притомился, что ль? Этак мы с тобой к Белеозеру до распутицы не успеем, будем тут, в лесах, лета ждать.

Белеозеро. Белоозеро, наверное, город такой, довольно большой и знаменитый – еще по «Повести временных лет». И что ему, Вожникову, там делать-то? А здесь? Мысль вдруг ожгла – колдунью, колдунью надо искать, может, обратно отправит. В Белоозере-то, чай, легче найти... да и вообще – город есть город.

Егор сплюнул в снег и прибавил шаг – просят же. Нет, во мужики закаленные – прут и прут, словно немецкие танки к Волге! Даже Антип, и тот оказался двужилым – а с виду не скажешь. Один он, Егор, тут за хлюпика, за маменькиного сынка – так, что ли, выходит?

А вот фиг вам!

Упрямо склонив голову, Вожников закусил губу и, поудобней перехватив палку, попер со всей возможной скоростью, да так, что и не заметил, как спутники его остались далеко позади, где-то за излучиной, так, что и не видать – снегопад же! Остановился, лишь когда услышал крики:

– Эй, Эй! Егории-и-ий! Жди-и-и-и!

Ха, жди! То-то! А то ишь, привыкли – умеем и мы кое-что.

– Ну, ты, брат, и двинул!

Шумно дыша, выскочил из снежной пелены Иван Борисович, за ним показался Данило, братец, а уж потом – в арьергарде – Чугреев Антип.

– А мы думали – спекся ты давно.

Егор скривил губы:

– Ничего! Еще побегаем.

– И куда мы теперь? – негромко поинтересовался Данило.

– А туда, – Вожников махнул рукой. – Все по реке.

Немного отдохнув, путники направились дальше, слава Богу, слежавшийся за долгую зиму снег не проваливался, лыжи скользили легко. Да и непогодь скоро закончилась, сквозь разрывы жемчужно-серых облаков вспыхнула, загорелась, мелькнула сверкающая лазурь, а следом за ней – и солнце.

Егор прищурил глаза, улыбнулся – ну, наконец-то, давно бы так! И тут же вдруг сильно сдавило виски. Так просто, ни с того ни с сего... Вожников резко замедлил шаг, физически ощутив что-то подозрительное, чужое. Снова помогало бабкино зелье? Да, похоже, что так: молодой человек отчетливо почувствовал спиной чей-то недобрый взгляд. Погоня? Может быть. А может – и местные. Охотники, рыбаки... Так это ведь хорошо! Наконец-то – люди. Вот и прояснится все окончательно, они ж явно сами по себе будут, никак с беглецами не связанные.

А вдруг... Вот нет-нет да и шевелилась, однако, мыслишка. А вдруг у них мобильники есть? Где-то в глубине души Егор все же на это надеялся.

Вдруг заболело, заныло сердце. И – словно что-то ударило в голову: резко, с болью... А перед глазами вдруг возникла стрела – не одна, несколько, они вылетели из-за кустов, пронзив грудь Егора, поразили и Борисычей, Данилу так вообще ударили в шею, а вот Антип уклонился, бросился в снег...

– Эй, Егорий, чего встал?

Молодой человек вздрогнул:

– Что, Иван Борисович?

– Говорю – чего застыл-то? Притомился?

– Что-то нехорошее чувствую, – устало признался Егор. – Словно идет кто за нами. Следит.

– Следит?

Обернувшись, Иван Тугой Лук подозвал Чугреева, что-то хмуро сказал. Антип с готовностью кивнул, Борисыч же махнул рукой Вожникову:

– Идем дале, паря. Посматривать будем.

Посматривать... Неплохо сказал. Интересно, за кем только? Егор, конечно, что-то такое нехорошее чувствовал, но вокруг никого из чужих не видел.

– Пошли, пошли, не стой.

Снова заскрипели по снегу лыжи, группа на этот раз растянулась, так что, оглянувшись на излучине, Егор едва смог разглядеть далекую фигурку Антипа. Чугреев шел на лыжах медленно, сильно припадая на правую ногу – подвернул, что ли? Или так, притворяется для чужих взглядов.

За излучиной Иван Борисович приказал остановиться и ждать. Антип, впрочем, приковылял быстро, да как только с излучины завернул, так и вовсе хромать перестал. Прав оказался Егор – притворялся.

– Ну? – нетерпеливо спросил Данило. – Что там?

– Прав Егорша, идут за нами. – Чугреев задумчиво почесал бороду, черную, цыганистую, разбойничью, прищурился. – Не так давно – но идут.

Иван Борисович вскинул глаза:

– Погоня? Афонька Конь, подлюга, нагнал все ж таки!

– Нет, господине, – отрицательно дернул головой Антип. – Афонька Конь и людишки его здешние места не дюже ведают. Те же люди, что за нами идут – то там, то сям по бережку путь срежут. Местные! Но от того нам не легче.

– Знамо, не легче. Мы ж для них чужаки.

Данило пожал плечами и хмуро посмотрел на Чугреева:

– Как, Антипе, мыслишь – они на нас нападут?

– Вот уж не скажу, господине.

– Зато я скажу! – отогнав вновь нахлынувшее видение, вступил в разговор Вожников. – Обязательно нападут. Достанут стрелами.

– Стрелами, говоришь? – Данило недоверчиво ухмыльнулся. – Чего ж сразу стрелами-то?

– А чего бы и нет? – решительно поддержал Егора старший брат. – Четверо дюжих мужиков... стрелами-то нас сподручнее. Ты б, Антипе, где засаду устроил?

Приложив руку к глазам, Чугреев посмотрел вперед:

– Да во-он за тем мыском, где ельник. Просто дождался б, когда мы за мыс свернем, срезал бы по бережку путь... да стрелами б и встретил. Мило дело, мы ж на реке-то, как на ладони все.

Иван Борисович замолчал, задумался; в светлой окладистой бороде его маленькими искорками блестели снежинки.

– Помнишь, брате, Бешмай-татарин рассказывал... – негромко произнес Данило. Старший братец неожиданно улыбнулся и махнул рукой:

– Вот и я, Данил, как раз Бешмайку вспомнил. Тако и мы сладим. Егорий, Антип – теперь не торопитесь.

На этот раз Вожников остался позади вместе с Антипом, Борисычи же ходко усвистали за мыс, да там и свернули к ельнику.

– Отцепляй лыжи, Егорий, – проводив братьев взглядом, быстро распорядился напарник. – Не совсем отцепляй, а так, чтоб едва держались.

– Зачем? – недоуменно спросил молодой человек.

– А затем, что мы с тобою сейчас – заместо живца. Свист как только услышишь, сразу в снег падай, усек?

– Усек. Да, конечно.

До Егора наконец-то дошло, парень даже усмехнулся, оценив хитрый план Борисовичей – переломить ситуацию в свою пользу: из дичи превратиться в охотников. Теперь лишь бы те, чужаки, не перехитрили.

– Ложи-и-сь!

Резво отпрыгнув в сторону, Антип с силой толкнул своего спутника, и тот кубарем полетел в сугроб, отбросив лыжи.

– Ты совсем уж офонарел! – заругался было Егор, но...

...но тут же прикусил язык, увидев перед своим носом впившуюся в снег стрелу с серым дрожащим оперением!

Ввухх!!!

Совсем рядом впились еще две!

Средние века, однако... ну, точно!

Выходит, правы Борисовичи... Если не погоня, то... то – кто? Кому тут надобно стрелами?..

– Эй, парни, вставайте! – донесся насмешливый крик.

С заснеженного мыса, из ельника, показался Иван Борисович. Довольный, он деловито забросил на плечо лук:

– Немного-то их и было, лихоедеев всянских, всего-то четверо, как и нас. Потому и не нападали – решили на стрелу взять.

Быстро вскочив на ноги, Вожников стряхнул снег:

– Так вы их что... всех?

– Всех, – с еле заметной досадой отозвался Иван Борисович. – Хотел, конечно, одного-пару ранить да опосля поспрошать. Не вышло! Ловки больно.

– На свои головы легки, – скрипя лыжами, к беседующим подошел другой брат, Данило. – Все четверо – наповал.

– Жа-аль.

– Вот и я говорю. Хотя что их жалеть-то, шпыней подлых? Не мы нападали – они. Кто хоть были-то? На Афонькиных непохожи.

– А пошли-ка, брате, глянем еще разок.

Убитые лежали друг против друга, видать, только-только свернули к мыску, где и были встречены разящими без промаха стрелами. Один – лет сорока, жилистый, седобородый, с узким землистым лицом и покатыми плечами, трое остальных – совсем еще молодые парни, подростки, жить бы да жить. И с чего им вздумалось нападать? Или они вовсе нападать и не собирались? Это Борисовичи почему-то так решили... и Егор. Видение-то все-таки было! Предчувствие! Не зря ведь бабка Левонтиха говорила...

– Этот, видать, за старшего у них.

Наклонившись, Антип проворно обыскал трупы людей, вовсе не походивших ни на охотников, ни на рыбаков. Даже на туристов – и то не тянули, а, скорее, напоминали бродяг. Одеты в нагольные полушубки, посконные рубахи, порты из сермяги, обмотки – лапти... нет, на некоторых – поршни, из кожи, не из лыка. При всем при этом – острые широкие ножи, луки со стрелами, на шее у старшего какой-то странный серебряный амулет в виде уточки.

– Поганые! – брезгливо скривился Иван Борисыч. – Крестов нету.

Данило зло сплюнул:

– Туда им, шпыням, и дорога – в ад! Эй, Антипе! Глянь-ка в котомке.

Чугреев и без мудрых указаний уже развязывал заплечный мешок – котомочку – трофейную, так скажем. Егор с любопытством вытянул шею: какие-то оставленные, видать, для навару кости, бережно завернутая в тряпицу соль, металлическая пластинка – кресало и кремень, плетенная из лыка баклажка.

Антип, не думая долго, вытащил затычку, хлебнул... да, прикрыв глаза, улыбнулся блаженно:

– Бражица!

– Дай-ко!

Принялись приговаривать баклажечку. Напиток (явно из сушеных ягод) показался Егору странным – каким-то прогорклым, кислым... Впрочем, на любителя, скажем; Антип выпил с большим удовольствием, даже губами причмокнул:

– Жаль, шпыни мало взяли.

Данило Борисович рассмеялся:

– Ага, делать им больше нечего, как нас бражкой поить.

– То не бражка, – помотал головою Антип. – То вино весянское – олут.

– Все одно – бражица. Эх, медовухи бы сейчас!

– Э, сказанул, – старший, Иван Тугой Лук, засмеялся. – Лучше уж, брате, стоялого медку. Ничо! Вот доберемся, вот выберемся.

– Так татары ж, брате, не пьют.

– В Орде-то не пьют? Ага, как же!

В Орде... Вожников задумчиво посмотрел в небо, светло-голубое, высокое, чуть тронутое белыми кучерявыми облаками, подсвеченными снизу золотисто-оранжевым светом уже клонившегося к закату солнца. Вот и еще один день прошел. Очередной день. И что? А ничего хорошего. Господи!

Молодой человек неприязненно покосился на своих спутников, потом перевел взгляд на трупы... Как много у них стрел, и все разные. Егор чуть отошел, наклонился и поднял упавший в снег колчан. Вот эти, тупые – на белку, на соболя, раздвоенные – на куницу или лису, а эта вот, граненая... вообще, странная стрела – бронебойная, что ли?

– От такой, пожалуй, и кольчужка не спасла бы, – незаметно подойдя сзади, молвил Антип. – Знавал я в Хлынове одного мастера, как раз такие наконечники делал. И как-то ходили мы в Орду, на Жукотин, так... Ладноть! – Чугреев вдруг резко оборвал сам себя и, скосив глаза на Егора, хитро прищурился: – Слышь, Егорша, ты потом, как к Белоозеру выведешь, куда?

– Хм...

Вожников не знал, что и ответить – ну, выведет, скорее всего, примерно-то дорогу знал.

– Может – Белоозеро все же?

– Так я про то и говорю. В Орду ж мы с Борисовичами не пойдем, уж дальше-то они сами.

В Орду...

Молодой человек помотал головой, словно отгоняя нахлынувшие нехорошие мысли:

– А ты, Антип, куда все меня зовешь-то?

Чугреев осторожно обернулся на допивавших баклажку Борисовичей:

- Опося поговорим, ага? Не для лишних ушей это дело – для наших с тобой токмо.
- Опося так опосля, – кивнул Егор.

– Скоро пурга, однако, – опасливо посмотрев в быстро затягивающееся тучами небо, Антип сплюнул в снег. – Надо бы в лес свернуть, а, господа мои?

– К лесу так к лесу, – кивнул Данило Борисович, а его старший братец без лишних слов повернул лыжи к берегу.

Идти стало труднее – цеплялся за ноги густой подлесок, колючие еловые лапы царапали руки и лицо, словно бы не пускали куда-то. Небо над могучими соснами и елями клубилось плотными серыми облаками. На глазах становясь ощутимо низким, оно словно бы наваливалось на землю, облепляя все вокруг, как выброшенный из тарелки прокисший кисель. Все зверье в лесу куда-то попряталось, даже птицы с ветки на ветку не перепархивали, то ли люди их испугали, то ли предстоящая непогода.

Путники уже начали присматривать удобное для остановки место – под какой-нибудь раскидистой елью, как вдруг задул верховой ветер, раскачал вершины деревьев, погнал по небу облака – вот уже и появились лазурные разрывы, и – пока только на миг – проглянуло солнышко.

– А, кажись, пронесет! – Иван Борисович с довольной улыбкой перекрестился. – Слава те, Господи!

И в самом деле, окружающая обстановка начинала потихоньку радовать – ветер разогнал тучи, заголубело небо, засверкало над лесом солнце. Можно было спокойно продолжать путь.

Поразмыслив, беглецы решили выйти к реке с другой стороны, за излучиной, таким образом срезав, по прикидкам Егора, километра три, а то и больше. Сговорились, ухмыльнулись друг другу – пошли.

Лес вдруг стал редеть, и лыжи заскользили куда веселее. Вскоре четверка оказалась на большой поляне, в конце которой чернел частокол. Деревня!

- Обойдем? – опасливо обернулся Чугреев.

Иван Тугой Лук хмыкнул:

– Думаю, там нет никого. Ни дымов не видать, ни людей, даже собак не слышно. Да и местные-то охотники нас давно бы заметили.

– Да уж, это точно. Брошенная деревенька-то, – согласился Данило. – Зайдем – чего кривулями плутать зря? Может, соль там сыщем или... если вдруг снова непогодь – заночуем.

- Инда так и поступим. – Иван Борисович махнул рукой: – Пошли, парни.

Валялись в снегу сорванные с петель ворота, и, как только лыжники миновали их, явственно запахло гарью. Пять засыпанных снегом по крыши изб – большая деревня! – амбары... ага, вот они и горели-то! Пепелище!

Направляясь следом за Борисовичами к самой большой избе, Вожников вдруг зацепился лыжей о какое-то бревно.

Наклонился...

- Господи!

Не бревно это было, а труп! Труп пронзенного стрелой мужчины.

Боже! Боже! Опять эти стрелы, армяки, копыя...

- Дня три назад убили, – со знанием дела определил Антип.

– А вон еще мертвяк. – Данило Борисович указал на крыльцо, на ступеньках которого тоже валялся припорошенный снегом труп, только этот не был поражен стрелой. Несчастного просто зарезали... Нет!!! Зарубили мечом... или секирой.

– Мечом, – снова пояснил Чугреев. – Вона, удар-то чрез ребро прямо в сердце. Хорошо били, умело. А вот того, глянь, Егорша, секирою.

Молодой человек обернулся... и его чуть не вырвало от одного вида разрубленной надвое головы!

Господи... значит, все так и есть... Уж точно – Средневековье!

Подошедший сзади Иван Тугой Лук хлопнул Вожникова по плечу:

– Ну, че встал, паря? Пойдем, глянем.

Проникающий через распахнутую дверь свет падал на скучную обстановку избы. Сложенный из камней очаг, стол с лавками... Нехитрая домашняя утварь: глиняные горшки, деревянные миски, кадушки. В углу стояла рогатина.

Егор и хотел бы, конечно, увидеть хоть какой-нибудь приклепленный к стеночке календарь с голыми девками, однако в душе понимал уже, что совершенно напрасно надеется...

– Эвон, под лавкой-то!

Иван Борисович наклонился и вытащил из-под лавки... мертвого ребенка! Опять же зарубленного – из залитой коричневой запекшейся кровью груди торчали белые ребра...

Вожников вроде бы никогда не был хлюпиком, но тут не выдержал и, выбежав на двор, завернул за угол, закричал – его вырвало.

Очистив желудок, молодой человек еще немного постоял так, согнувшись, и, более-менее придя в себя, вскинул голову. За углом, близ плетня, торчали какие-то пугала... почему-то сразу три. Что, птиц так много?

Егор присмотрелся и...

Лучше б он этого не делал!

Никакие это были не пугала – люди! Посаженные на кол люди!

Значит – правда... тупое и дикое Средневековье!

– Господи-и-и-и!

– Здоров ты кричать, Егорша! – хмыкнул вышедший из избы Иван Тугой Лук. – Думаю, ночевать мы тут не будем, дальше пойдем... Ну, чего встал-то? Мертвяков не видал?

– К-кто их, интересно... и за ч-что... – заикаясь, промолвил Вожников.

– Верно, соседушки. – Иван Борисович шумно высморкался. – Из-за землицы али из мести. Всяко бывает. Леса! Народ кругом дикий.

Егор сглотнул слюну. А ведь просто все! Взять да поинтересоваться, коли уж они бояре или даже князя.

– Иван Бо... Еще спросить хочу.

– Ну, спрашивай.

– Иван Борисыч, вот скажи-ка, а какой сейчас год?

– Обычный год, – с некоторым удивлением отозвался боярин... или князь. – Как и прошлый, малость подождливей только.

– А лето, лето какое? Ну, от сотворения мира?

– От сотворения мира? – Иван Борисович ненадолго задумался, зашевелил губами. – Тебе зачем надо-то?

– Да так...

– От сотворения мира шесть тысяч девять сотен осьмнадцатый. Ну да, так и есть – в березозоле-ветроносе месяце, по-гречески – в марте – как раз Новый год и начался.

– Шесть тысяч девятьсот восемнадцатый... – обалдело повторил Егор... – Это ж... это ж...

Глава 4

Шесть тысяч девятьсот восемнадцатый...

– Шесть тысяч девятьсот восемнадцатый год... Однако...

Уже на реке, осмысливая увиденное и услышанное, молодой человек принялся вычислять более привычную дату – хоть как-то призвать мозги к порядку. Да и отвлечься... безжалостно зарубленный ребенок, мертвые на кольях... Жуть!

Итак... раз год начинался в марте – по крестьянскому календарю, не по церковному, значит, нужно отнять от числа сотворения мира пять тысяч пятьсот восемь лет... или – в случае с мартовским годом – пять тысяч пятьсот семь. Ну да – год новый как раз только что начался, а старый – наш – с января... Значит, значит – сейчас у них на дворе тысяча четыреста девятый год! Апрель, если точнее. Ну да, ну да – то-то Борисычи все Едигея вспоминали... И кто у нас сейчас правит? В Москве... нет, не Дмитрий Донской, тот уже умер... Ага – сын его, Василий Дмитриевич... у которого с Борисовичами какие-то разборки. Значит, Борисычи тоже какие-нибудь князья, а не простые бояре.

Господи-и-и-и... Пятнадцатый век! Самое его начало. Да разве может такое быть? Сложно представить, а ведь есть – вот оно! Вот она, баня, попарился, блин... Вот они – прорубь и зелье – водица заговоренная Левонтихи-бабки. Ой, а может, не зря все же колдуньи казнили, как вот эту волхвицу? Точно, бабка подсуропила, зельем своим... точнее, уж тогда не бабка, а он сам, Егор Вожников, виновник всех своих бед. Он же хотел снадобье, хотел всякую пакость предвидеть – вот и предвидел теперь. Только не у себя, а... Черт побери! Левонтиха-то честно про грозу предупреждала, мол, не нужно в грозу-то, нельзя! Егор тогда не внял – какая, блин, в марте гроза-то? А ведь была гроза! И молния – вот теперь-то он вспомнил – блеснула! Может, от этого и случилось все? А как же... как же теперь назад? Опять в прорубь нырять? А снадобье, воду волшебную? Ее-то откуда взять, с собой-то не прихватил ничего – занырнул в чужой мир голым! В буквальном смысле слова занырнул.

Нет, вот теперь, хоть и не хочется верить, однако же все логично, все на своих местах – и беглецы, и странные люди в лесу, луки, стрелы и прочее. Теперь ясно, куда железная дорога делась, да мост, да сотовой связи вышки – не построили еще, не успели, через пятьсот с чем-то лет только выстроят.

И что теперь? Одна тысяча четыреста девятый год... Чего делать-то? Одному не выжить, это вообще-то любому человеку, вовсе не обязательно реконструктору, ясно было б. Значит, надо добратся... ну, хотя бы до Белоозера, а уж там поглядим... Антип, кстати, пару раз недвусмысленно намекал, звал даже в ватагу. В банду? Идти? А куда же еще-то! Кому он, Егор, тут нужен? Или – с Борисовичами... так те, похоже, в нем нуждаться не будут.

Вот, блин, судьба! Пятнадцатый век... Еще бандитствовать не хватало для полного счастья. От всего на голову свалившегося тут волком завоешь – Господи-и-и-и!

Вожников и сам не заметил, как уснул, а проснулся от тычка в бок. Антип разбудил, Чугреев:

– Вставай, Егорий, вставай! Твой черед сторожить.

Это слово он произнес особенно, с ударением на средний слог, не сторожи́ть, а сторо́жить.

Ну, сторо́жить так сторо́жить, тем более – и впрямь его очередь. Егор про себя усмехнулся: Борисычи, уж, конечно – бояре, сторо́жить им не по чину.

Еще было темно, горели за редкими облаками звезды, и тощий, какой-то обглоданный огрызок месяца покачивался, зацепившись рогом за кривую вершину высокой сосны, росшей

неподалеку от устроенного путниками бивуака. Все так же таял в низинке костер, все так же были волки. По пятам шли, гады, надеялись на поживу! Хм... А ведь не зря надеялись! Тех четверых, трупы... волки – они ж подберут, обглодают до последней косточки, да и косточками кому поживиться – найдется. К тому ж – ледоход скоро, весна, а по весне все эти реки-речушки – горные и неудержимые, как стремительно несущийся сель. Вожников вспомнил, сколько продвинутых байдарочников тут погибло – и не сосчитать! Как в древности говаривали – «без числа». Приедут в конце апреля за экстримом – получают сполна, вся река по берегам, как федеральная трасса, – в памятниках да в траурных венках.

Чу! Где-то за спиной вдруг скрипнул снег. Егор быстро обернулся – зеленовато-желтым пламенем сверкнули прямо напротив глаза. Волк! Ах ты ж, зараза. Молодой человек выхватил из костра головню, швырнул не глядя. Зверя как ветром сдуло. Значит – сытый. Еще бы...

Еще б человеческое жилье увидеть... посмотреть. С чего бы вот так безоглядно Борисычу верить... Хотя а как тут не поверишь-то?

К человеческому жилью путники добрались примерно через десяток дней, когда по узкому зимнику вышли к какой-то большой реке. Увидав ее, Антип бросился на колени прямо в снег и долго молился, после чего, вскочив на ноги, крепко обнял Вожникова и даже облобызал:

– Ну, Егорий! Ведь вывел все ж таки. Молодец! А, господа мои? – Чугреев обернулся к братьям. – Теперь, как уговаривались, на Белеозеро? Или, может, в Устюжну, в Вологду, как?

– Ты еще скажи – в Ярославль, в Суздаль! Почему ж не в Москву? – нервно усмехнулся Данило Борисович.

Старший же брат, Иван Тугой Лук, лишь покачал головой, наставительно заметив, что «на Белеозере» и людищи свои, и глаз чужих меньше.

– Явимся на посад, не в сам город, там и поживем, вроде бы как купцы – там таких много – пока реки ото льда не отойдут. А уж потом... потом поглядим. Тут уж с вами рассчитаемся, не сомневайтесь, да... – Иван Борисович неожиданно покраснел и, обернувшись, погрозил кулаком кому-то невидимому. – Ну, поглядим, князь Василько! Ужо найдем в Орде правду.

– А не найдем ежели? – Данило сплюнул в снег.

– А тогда – в Хлынов! – сжал кулаки старший брат. – Наберем ватагу, да... ух!

– Так, может, тогда, господа мои, сразу в ватагу? – несмело предложил Антип.

Братья разом замахали руками:

– Что ты, что ты! Думай, что говоришь-то. Мы разбойники, что ль?

По этой широкой реке (Шексне, как определил Вожников) и пошли дальше, и уж тут-то путь был наезжен, такое впечатление, будто впереди шел большой санный обоз, оставляя после себя лошадиный навоз, кострища и кучи всякого мусора – какие-то огрызки, рыбы кости, даже выброшенную кем-то изрядно прохудившуюся баклагу.

А ближе к вечеру встретился и ехавший на лошади с волокушами-санями мужик. Крепенький такой бородач в коротком полущубке мехом наружу, справных юфтевых сапогах и волчьей шапке. На боку у мужичка болтался изрядных размеров кинжал, а к седлу были приурочены кожаные дорожные сумки.

Пятнадцатый век – понятно... и логично, о чем разговор? Просто немного невероятно... так, слегка.

Незнакомцев мужичок встретил без страха. Придержав коня, поклонился в седле:

– Здравы будьте, добрые люди.

– И ты, человеце, здоров будь. С Белеозера?

– Не, с починка еду. Сына старшого навещал. Язм Микол Белобок, своеземец, может, слышали?

– Не, – Борисычи, переглянувшись, пожали плечами. – Не слыхивали. А до Белеозера долго ль еще?

– Да недолго, дня три. Вы, смотрю, приказчики, гости?

– Они самые и есть.

– С каких земель?

– Устюжане.

– Добрый городок. Слыхал.

– Ты, мил человек, скажи – нам тут дальше заночевать есть где?

Своеземец Микол неожиданно задумался, даже сдвинул на затылок шапку:

– Было бы где – да. В Почугееве, село такое тут, большое, в пять домов, там и постоянный двор... Токмо он занят, да и избы все – обоз перед вами идет с Ярославля. Гости ярославские чего бают – страсть! Будто Едигей-царь, с Москвы выкуп забрав, все земли полонит, жжет, грабит. Стон по всей Руси-матушке стоит от ратей его безбожных... Правда ль? Жжет?

– Да, лютует царь ордынский, – с видом знатока покивал Иван Тугой Лук. – Все потому, пока в Орде заматня была, Москва им дань не платила – а и кому было платить? Сегодня один царь, завтра – другой, послезавтра, прости, Господи, третий. Кому, спрашиваю, платить-то?

– Инда так, так, – согласился Микол. – Ну, поеду, пора уж. А вам присоветую еще до села на постой встать. Тут скоро деревенька будет, в три избы, как раз напротив острова, так вы в крайние ворота стучите да Голубеева Игната спросите – он вас на ночь и приютит. Мужик хороший, возьмет недорого – всего-то денгу. Есть у вас деньги-то?

Иван Борисович надменно хохотнул:

– Денгу заплатим. Благодарствую, мил человек, за совет да за помощь.

– И вам пути доброго.

– Интересно, – проводив его взглядом, негромко протянул Вожников. – А этот чего же на нас не бросился, ватагу свою не собрал? Подстерегли бы, да...

– Ой, дурень, дурень! – от души расхохотался Антип.

Егор даже обиделся:

– Чего сразу дурень-то? Те вон, парни, в лесу – ведь напали бы, сам говорил.

– Так то – людишки лесные, дичь! Для них каждый чужак – враг, а для местных, наоборот – деньги. Тут ведь торговый путь! А ну-ка поди, побезобразничай – враз огребешь от здешнего князя. Да и людно тут, эвон. – Антип показал рукой. – Не та ли деревня? Вон и остров напротив как раз. Нам в крайнюю избу, туда... Голубеева Игната спросить.

Вожников уже ничему не удивлялся – еще бы! – ни массивному, высотой в полтора человеческих роста, тыну из заостренных бревен, ни сколоченным из дуба воротам, кои, заскрипев, отворились, едва только Антип назвал Игната, ни бросившихся было на гостей огромным цепным псам.

– А ну, цыть! – прикрикнул на собак неприметный, среднего роста, мужчина, на вид лет пятидесяти, но еще крепкий, с седоватой бородкой и темными глубоко посаженными глазами. – Ну, я Игнат. Вы насчет ночлега? Ярославские гости-купцы?

– Не, ярославские дальше проехали, а мы – с Устюжны, – пригладив бороду, Иван Борисович протянул на ладони денгу. – На вот, Игнате, бери.

– Возьму, что ж, – недоверчиво попробовав монетку на зуб, хозяин, как видно, остался доволен. – Что без товара-то? Одни лыжи.

– Обоз-то давно уже в Белеозере.

– Поня-а-атно, – усмехнулся Игнат. – По зимней дорожке пойти не решились, летней дожидаетесь.

– То так.

– Не вы одни тако. Ладно, в людскую горницу проходите, располагайтесь, потом челядина пошлю – позвать посидать. Эй, Федько! Федько, да где тебя собаки носят-то?

На зов прибежал парнишка лет пятнадцати, смуглый, худой, с копной темно-русых волос и давно не мытыми руками. Все, как положено – штаны с прорехами, заплатки на локтях, сношенные лапти. Живая картина из пьесы «Богач и бедняк». Игнат тут, выходит, за кулака, а Федька – работник, батрак, значит. Хотя, конечно, более правильно другое: Федька – это челядин либо обельный холоп – бесправный раб попросту.

– Язм, господине, токмо и собирался... у-у-у...

Получив от хозяина увесистого «леща», паренек скривился от боли и низко поклонился:

– На зов явился... вот он я.

– Вижу, что ты, хвост собачий! Гостей в горницу проводи!

Никаких признаков цивилизации Вожников ни во дворе, ни в избе не обнаружил, да и не искал уже. В бревенчатой избе, рубленной в обло с покрытой сосновой дранкой крышей, оказалось ничего себе: тепло и даже как-то уютно – закопченные иконы в углу да топившаяся по-черному печь, дым из которой, скапливаясь под стропилами, выходил в деревянную трубу – дымник. Старина, чего уж! Все сработано на совесть – без единого гвоздя, с дощатым, выскобленным добела полом и тремя волоковыми оконцами, вырубленными в смежных бревнах и закрывавшимися – «заволакивавшимися» – досками, естественно, тесаными, не пилеными.

Войдя, все сняли шапки и перекрестились на иконы.

Федька повернулся к Борисычам, безошибочно признав в них старших:

– Я, господа мои, вам на сундуках постелю – все ж спать пошире. А вам, – парнишка перевел взгляд на Егора с Антипом, – на лавках.

– На лавках так на лавках, – согласился Вожников. И тут же пошутил: – Слышь, Федя, а у вас тут мобильная связь берет?

– Берет? Не-а, – подросток замахал руками. – Никто тут ничего не берет, и у вас не возьмет, пастися не следует, татей нету.

Иван Борисович деловито осведомился про баньку, мол, а не истопил бы хозяин?

– Дак и велит истопить, коль попросите, – широко улыбнулся парень. – Но только за...

– Понятно, – не сдержался Егор. – За отдельную плату. Ну что, господа, будем баньку заказывать? Я – так бы за милую душу.

– Да, – погладив бороду, кивнул Иван Борисович. – Коли время есть, чего ж не попариться? Скажи хозяину – пусть велит. Мы, сколь скажет, заплатим.

– Сейчас же и передам, – уходя, низенько поклонился отрок.

– Может, нам еще и девочек заказать? – пошутил Вожников, на что Борисовичи хором сплюнули:

– Тьфу ты, срамник! Еще что удумал!

– Да я так просто, – засмеялся Егор. – Ну, не хотите, так как хотите. Кстати, откуда ты, Иван Борисович, взял, что Игнат – своеземец? Может, он боярин или из детей боярских, а?

Его вопрос снова вогнал Борисычей в смех:

– Ну, скажет тоже – боярин! В такой-то курной избе? А усадьба, похоже, его, знать – своеземец, однодворец даже.

Возникший теоретический спор на темы социальной истории русского Средневековья был прерван появлением Федьки. Вежливо постучав, парнишка, не дожидаясь ответа, распахнул дверь:

– Хозяин в баньку зовет. С полудня еще топлена – мылись. Счас бабы ополоснут, чтоб чисто – и прощу.

– Квасу пусть хозяин твой в баньку пришлет.

– И кваску, и бражицы!

Попарились быстро – не до пару, грязь бы поскорей смыть, к тому же не хотелось заставлять долго ждать гостеприимного хозяина. Помывшись, уселись в предбаннике – охолонуть,

Федька как раз притащил глиняный жбан с квасом. Забористый вышел квасок, хмельной! Егор две кружечки выкушал – захмелел даже.

– Еще кваску, господа мои? – изогнулся в поклоне подросток. – Я живо сбегая.

Тут только Вожников заметил свежий, расплывшийся под левым глазом парня синяк – кто-то хорошо, от души приложился. За дело?

– Не надо бегать, – одеваясь, промолвил Иван Борисович. – Сейчас и за стол, так?

– Так, – кивнул Федька. – Хозяин ждет уж. Ухи наварено – налимя, осетровая, стерляжья. Да студни, да каши разные.

– Ну, вот и пойдем, – потянувшись, Данило смачно зевнул. – Там и выпьем. Егорий, ты что застрял? Еще париться хочешь?

– Да нет, только водой окачусь.

– А мы пока – в избу. Ты давай тут недолго.

– Да быстро. – Егор придержал в дверях Федьку: – Сам-то кваску выпей.

Юноша в страхе отпрянул:

– Да не можно мне! Вдруг да хозяин прознает? Убьет! Для гостей квасок-от.

– Да не убьет, – ухмыльнулся Вожников. – И не узнает. Садись вон, пей. Давай, давай, не отказывайся!

– Благодарствую. – Быстро опростав кружку, подросток утер губы рукавом рубахи и неожиданно улыбнулся: – Добрый квасок. Упарился за сегодня весь, уфф...

– Пей еще... Давай, давай, не стесняйся. Что хозяина-то так боишься? Раб ты ему, что ли?

– Раб.

– Я так и подумал. – Егор потянулся. – Ох, Господи, ну и глушь тут у вас.

– У нас-то еще не глушь, – обиженно сказал Федька. – Есть места и поглуше.

Егор со смехом хлопнул его по плечу:

– Да кто б спорил, Федор? Кто тебя этак в глаз-то приложил?

– Да так, – скривился парень. – Бывало и хуже. В прошлом месяце на конюшне выпороли, едва кожу всю не стянули, думали, я крынку с медом украл – а я ее, крынку-то, и в глаза не видел. Вот тогда было больно, а сейчас... синяк – тьфу.

– Да-а, – прищурившись, Вожников снова плеснул квасу, да, выпив полкружки, отдал остатки Федьке.

– Благодарствую.

– Слышь, Федя, а это Игнат – он все же кто?

– Игнате – хозяин.

– Ты еще «боярин» скажи.

– Не боярин, врать не буду. Своеземец, земелька есть, стадо в сорок коров, да лошади, да свиньи, да всякая птичья мелочь...

– Понятно – типа фермер, значит. Или как в простонародье говорили – кулак. А ты у него в работниках... в холопах... – Егор с усмешкой подмигнул собеседнику и опять потянулся. – Ла-а-адно, больше пытаться не стану. Пора! Ты, Федор, загляни вечером, после ужина – поболтаем, ага?

– Ага, – юный собеседник кивнул и, почему-то вздрогнув, понизил голос: – Добрый ты человек, господине. Приду.

Ужин прошел весело, в беседе. Пока гости уминали ушицу да пироги с кашами, какой-то седобородый дед нараспев читал былины про Илью Муромца и всех прочих. Потом, когда уже пошли орехи да всякие сладкие заедки под медовуху, подсел к столу какой-то непонятный тип лет сорока; все, как и положено – при бороде, в посконной рубахе с кушаком, с вышивкой, в кожаных постолах. Подсел, завел разговор, все выспрашивал про разные города – про Ярославль, Владимир, Устюжну... Борисычи отвечали односложно, Антип вообще в разговор

не лез, да и Егор отмалчивался – а чего говорить-то, коли в Устюжне никогда не был, а в Ярославле с Владимиром хоть и бывал, но так, проездом. Вот и молчал, да иногда о своем думал – все ж лезли в голову разные мысли – не робот, чай, человек, – в пятнадцатый из двадцать первого века попал, и что – дальше поскакали?

Переживал Егор, уж конечно, и пытался себя занять разговорами, хоть какой-то беседой – поговоришь с кем-нибудь, все не так грустно покажется. Ла-адно, и в пятнадцатом веке люди живут... жили... и колдунью разыщем и... может быть, чем черт не шутит?

Хозяин, своеземец Игнат, надо отдать ему должное, все ж управлял застольем: хмельное подливали вовремя, да и тосты произносились часто.

Борисычи с Антипом – видно было – захмелели, а вот у Егора тот, легкий квасной, хмель давно прошел, выветрился, а новый не брал, потому как закуски было в избытке, а вот выпить, считай, что и нечего – медовуха, чай, не водка, не виски, не кальвадос.

«Ишь ты, кальвадос ему! – посмеялся сам над собой Вожников. – Граппу еще вспомни!»

Он заметил у Игната серебряный браслет с узором из ма-а-аленьких таких шариков – зернь называется, а на бревенчатой стене – доспех из металлических продолговатых пластин, друг на друга чуть-чуть напозающих и кольцами скрепленных, бахтерец. Все правильно – пятнадцатый век, не раньше...

Гости и хозяин, захмелев, раскраснелись и затянули песни, большей частью, естественно, Егору незнакомые. Он и не подтягивал, просто сидел, слушал.

– Э-э! – допев, повернулся к нему Игнат. – А ты что не поешь?

– Так песен этих не знаю.

– Тогда свою затяни!

– И затяну, запросто! Наливай.

– Эхх...

Шел отряд по берегу,
Шел издалека,
Шел под красным знаменем
Командир полка.
А-а-а-а! А-а-а-а!

– Эй, подпевайте!

Командир полка.

Дирижируя обглоданной рыбьей костью, Вожников допел песню до конца и довольно хмыкнул:

– Вот!

– Добрая песня, – тут же заценили собравшиеся. – Это в Заозерье такие поют?

– Где поют – там поют, – уклончиво ответил Егор и спросил: – А что, водки-то у вас нету?

– Чего-чего?

– А, ладно, медовуху тогда наливай!

Ну, не брала Вожникова медовуха, слабенькая все же, сейчас – под такие песни – водки бы да девчонок позвать – народный хор!

– А что, Игнат, девчонки-то у вас не поют?

– Чего ж не поют-то? Сейчас кликну. Эй, Федька, раскудрит твою так! А ну, челядинок, девок зови! Да чтоб с песнями. А мы пока выпьем, ага?

– Наливай, сказал же! Ну чтобы все!

Тут же не замедлили явиться и девки, правда, без кокошников, в серых посконных рубахах с вышивкой и с какими-то дешевыми бусиками. Такие же браслеты, а еще – лапти. Ну, уж так-то зачем? Неужели покрасивее нельзя было?

– Ты, Игнат, чего девок-то не приодел? Как-то, честно говоря, убого.

– Ась?

– Ла-а-адно, проехали. Петь-то они будут?

Кивнув, хозяин усадьбы ухмыльнулся и, громко хлопнув в ладоши, приказал:

– Пойте!

Девушки переглянулись, вздохнули.

– Укатилось красно солнышко за горы оно за высокия, – тоненьким писклявым голоском начала одна.

– За лесушко оно да за дремучия, за облачко оно, да за ходячия... – подхватили другие, точно таким же тонкими голосами, у Егора аж барабанные перепонки задрожали – резонанс. А захмелел уже изрядно – вот она, медовуха коварная!

Покачал головой, в ладоши похлопал, а потом спросил:

– А «Напилася я пьяна» хотя бы, нельзя? Или что-нибудь из седой старины, типа «Синий, синий иней» или «В реку смотрятся облака»? Что, не знаете таких?

Испуганно переглянувшись, девчонки поклонились разом:

– Не гневайся, батюшка, не ведаем таких!

– Ну, блин... Я ж не «Шизгару» прошу! Ну, давайте тогда «Листья желтые», ее-то все знают... Листья желтые над городом кружа-а-атся, с тихим шорохом нам под ноги лежа-а-атся! Не понял? Что молчим? И эту не знаете? Игнат, что за дела-то?

– За такие дела велю их завтра на конюшне высечь! – пьяно ухмыльнулся Игнат. – Ух, корвищи! Не знают, что петь!

– Не вели сечь, батюшко! – хором взмолились девушки. – Хочешь, мы те про Соловья-разбойника споем?

– Не умеют петь, пусть тогда пляшут. Голыми! – снова пошутил Егор.

– Голыми? – Игнат ненадолго задумался и вздохнул. – Не, голыми им нельзя – утопятся еще со сраму в проруби. Мне – прямой убыток.

– Да шучу я!

– Так про Соловья-разбойника будете слушать?

– Послушаем, чего уж. Пусть поют.

После веселого – обильного, с хмельным и с песнями – ужина гости легли спать, едва только растянулись на приготовленных ложах – кто на широких, застеленных медвежьими шкурами сундуках, кто – на лавках, сразу и захрапели – и Борисычи, и Антип. Иван – Тугой Лук – Борисович, правда, сказать успел:

– Тебе, Егорий, нынче сторожу нести. Вижу, не так уж ты и хмелен, молодец.

– Да с чего тут хмелеть-то? Была б водка, а так...

Поворочавшись – все равно не заснуть, да и нельзя – «сторожа!», Вожников вышел на крыльцо, подышал воздухом, прогоняя остатки ненужного хмеля. Ночь выдалась тихой и теплой, падавший было мокрой крупной снежок вроде бы перестал, сквозь разрывы туч проглянули серебристый месяц и звезды. Хорошо! Нет, правда. Словно в каком-нибудь пансионате а-ля рюс. Так и кажется, что вот-вот выйдет кто-нибудь выкурить в тишине сигаретку... Да-а-а...

Что-то скрипнуло. Чья-то тень бочком скользнула к крыльцу. Молодой человек вздрогнул – кого еще черт принес? Ах, это ж, кажется...

– Федя, ты, что ли?

– Язм, господине.

– Молодец! – Вожников приглашающе махнул рукой. – Давай поднимайся, на крылечке с тобой постоим, побазарим.

Парень как-то затравленно оглянулся:

– Лучше уж, господине, в сенях.

– В сенях так в сенях, – пожал плечами Егор. – Только темно там.

– Это и хорошо, что темно – никто не увидит. Слово к тебе есть!

– Хм, надо же – слово! Ладно, проходи, говори свое слово.

Оба уселись в сенях на старый сундук и с полминуты сидели молча. Вожников слушал тишину и... тяжелое дыхание подростка. И чего он так дышит-то? Как паровоз, прямо.

– Ну? Что молчишь-то?

– С мыслями, господине мой, собираюсь.

– Слышь! Сказал же уже – хватит прикалываться. Что хотел-то?

– Уйти отсюда хочу, – хрипло прошептал Федька. – С вами!

– Ну, так и пошли завтра, – Егор хмыкнул – забыл ведь на миг, где он! – Хочешь уйти – уходи.

– Храни ты Бог, господине! – такое впечатление, что парнишка пал на колени.

А ведь действительно – пал!

– Э! Э! Ты что творишь-то? А ну, встань!

– Благодарствую, – взволнованно продолжал подросток. – Добрый ты человек, я сразу приметил. Не каждый бы вот так согласился. Господи! А старшой-то твой как? Может, он-то меня взять не захочет.

– Захочет, – спокойно уверил Егор. – Вообще-то, ему без разницы. А ты, я смотрю, местный. Дорогу прямую покажешь, а то почти месяц уже по лесам кружим.

Федька истово перекрестился:

– Куда хочешь проведу, токмо возьмите с собою в ватажку!

– Куда-куда тебя взять? – переспросил Вожников. – В какую еще ватажку?

– В такую, в какую и вы... – В шепоте парня явственно слышался сплав отчаяния и надежды. – Тут мне жизни нет, хозяин, Игнат стгоит, мол – тать. А какой я тать? Ничего ни разу без спросу не взял, так, крынку молока токмо выпил – за то и бит был, едва отлежался. Язм из лука неплохо бью и бою оружному научусь, обузой в ватажке не буду...

Егор вконец рассердился:

– Да откуда ты взял про ватажку-то?

– А кто ж вы тогда? – искренне изумился подросток. – Игнат ведь не зря Онисима к вам за стол посадил – тот Устюжну добре ведает, а вы – нет, хоть и устюжанскими гостями сказывается. Зачем? Ясно – ватажники. И не в Белеозеро, верно, идете – подале, в Вожскую землю, даже и в Хлынов, так? Можешь, господине, и не говорить, я все понимаю. Токмо возьмите, а?

– Хозяин, говоришь, на вшивость нас проверял? – задумчиво промолвил молодой человек.

– Не, обо вшах речи не было. И это... при чем тут вши?

– Это, Федя, образное такое выражение – аллегория или аллитерация... как-то так, я в науке о русском языке не силен. – Под влиянием юного своего собеседника Егор и сам уже понизил голос до шепота, хотя вроде кого тут опасаться-то?

– Игнате сеночь вязать вас замыслил, – чуть помолчав, неожиданно предупредил Федька. – Веревки мне приказал из овина принести.

– Вязать? – удивленно переспросил Вожников. – А зачем, спрашивается?

– Так я ж сказал! Не круглый же дурак Игнат-то, – подросток тихонько засмеялся. – Смекнул уже, кто вы такие.

– И кто ж?

– Ушкуйники, ватажники, разбойные люди – все одно! Возьмите меня с собой, а я укажу, как с усадьбы выбраться.

– Укажешь, укажешь, – послышался вдруг чей-то приглушенный голос. – Никуда ты не денешься. Да, Егорий, язм тож своеземцу этому, Игнату, не верю. Такой запросто может воеводам московским сдать.

– Господи, Антип! – Узнав говорящего, Егор облегченно перевел дух. – Тебе что не спится-то?

– Так поспал уже, тебя вот подменить вышел. – Чугреев смачно зевнул и распрямил плечи. – Слышу – а у вас тут беседа.

– Парень вон, к нам просится.

– Возьмем! Думаю, Борисычи против не будут... да и не по пути скоро нам с ними. – Антип уселся на сундук между Вожниковым и Федькой. – Так ты, паря, говоришь – выведешь?

– Да влегкую, вот вам крест! – снова перекрестился подросток. – Хоть сейчас... нет, чуть попозже.

– А лыжи-то у тебя есть?

– Найду, где взять.

– Пстой с лыжами, – быстро сказал напарнику Егор. – Слышь, Федя, я так и не понял: у хозяина лошади, сани есть?

– Можно и на лошадях! – воспрянул парень.

Радостный возглас его, однако, был на корню перебит Чугреевым:

– Нет! На лошадях не можно. Конь изрядно серебра стоит, хозяин это так не оставит, искать будет, снарядит погоню.

Федька дернулся:

– Да некого снаряжать, господине! Мужики-то все наши, холопи да закупы, в лесу, на полянке, бревна на новый частокोल рубят.

– Все равно, – упрямо стоял на своем Антип. – Вот если ты, Федька, сам собой убежишь, Игнат подумает-подумает, да и махнет рукой – а и черт-то с тобой, еще со всяким дерьмом возиться! Тем более, и людей под рукой нету. Ведь так подумает, а?

– Ну, так, – с неохотой согласился парень.

– А если лошади пропадут?

– Тогда да, может и в Почугеево рвануть, ударить в набат, людей кликнуть – татьба ведь! Татьба!

– Вот видишь, Федя! – Чугреев негромко засмеялся и хлопнул парнишку по плечу. – А на будущее тебе совет – глаза завидующие обуздывай, что не унести – не бери. Понял?

– Понял, – Федька сглотнул слюну. – Так что – меня с собой берете?

Антип хмыкнул в кулак:

– Берем, берем – куды ж тебя теперя девать-то? Пойду, господ разбужу.

– Гли-ко – господ! – шепотом повторил подросток. – Неужто и господа нынче в ушкуйники подалися?

– Подалися, а что ж? Времена такие настали, Едигей половину Руси разорил, куды мелким людишкам, своеземцам, деваться? Да и боярам некоторым... ладно, ждите тут.

Скрипнула дверь. В избе, в горнице, послышались приглушенные голоса – видать, поднимались-одевались Борисовичи. Воспользовавшись этим, Федька отпросился за лыжами и «небольшой котомочкой».

– Ну что, готовы?

Ага. Похоже, снарядились.

– Я, Иван Борисыч, всегда готов, как пионер когда-то, – бодро отрапортовал молодой человек. – Федьку-то, местного, берем?

– Берем, берем, путь укажет... – Иван Борисович неожиданно смущенно крикнул: – Эхх... Негоже, конечно, чужих холопей сманивать, ну да Бог простит. Тем более, парень-то предупредил все же о хозяине своем, злыдне. Где он сам-то?

– Кто, злыдень?

– Да не злыдень, Егорша, парень. Как его – Федька, что ли?

Федька оказался тут как тут – ждал на крылечке, потом, как все вышли, тихонько поминал, зашагал первым. Шли по заднему двору, вдоль амбара, мимо овина, конюшни, коровника. Тут парнишка остановился:

– Он-вот, лествица. Подыдем, да...

Егор с Антипом помогли поднять из снега массивную тяжелую лестницу, прислонили к коровнику, по очереди забрались на крышу... И тут залаял, заблажил пес!

– Тихо, Карнаух, тихо! – выругавшись, Федька быстренько спустился обратно во двор. – Тихо, Карнуша, свои. На вот тебе косточку... Ешь.

Лай тут же стих. Слышно было, как звякнула цепь, затем донеслось довольное урчание.

– Кушай, Карнаух, кушай.

Еле слышный свист. И вот уже Федька снова на крыше:

– Теперь туда, к частоколу. Лествицу перекинем и...

Лестницу едва затащили, хорошо, Борисычи – мужики дюжие – помогли. Крикнули, поднатужились, перекинули на частокол – так и выбрались, бросив сперва лыжи. Спрыгнули в сугроб, приземлились мягко, слава Богу, ногу никто не подвернул, только Федька ушибся малость, застонал.

Егор настороженно оглянулся:

– Что случилось?

– Досадилис чуток. Ничо, идти можно.

– Тогда пошли.

Встав на лыжи, беглецы направились к реке. Шли уверенно, быстро – проводник нынче был местный, надежный и шпарил так, что Вожников едва за ним поспевал.

– Да не беги ты так! Сам же сказал – погони не будет.

– Не будет, то так, господине, – оглянувшись, согласился подросток. – Одначе ж все ж хочется ноги поскорей унести.

– Вижу, достал тебя твой опекун. Эх, был бы на дворе двадцать первый век – в полицию б на него накатал телегу!

– Телегу? Не! Сейчас на санях токмо. Аль вот – на лыжах.

– Тьфу ты, Господи.

Егор не знал, как и отреагировать – вроде как посмеялся парнишка, однако на шутку то не похоже, больно уж голос серьезен, да.

Ух, как они все погнали, лыжники чертовы! Вожников все пытался нагнать Федьку – да тот так летел, словно на крыльях, лишь бы от усадьбы Игната Голубеева подальше. Видать, достал своеземец...

– Эй, Федька... обожди.

Куда там. Неслись, черти средневековые. Ох, дать бы вам всем в морду, что ли? Может, легче бы стало на душе? А что? Ивану Борисычу – апперкот в челюсть, Даниле, братцу его – хук слева, Антипу – по печени, Федьке... Не, Федьке никуда не надо – негоже боксеру детей бить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.